

Игорь Пржиленский

САРМАТСКИЙ ЛЕС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Пржиленский
Сарматский лес

«Автор»

2026

Пржиленский И. В.

Сарматский лес / И. В. Пржиленский — «Автор», 2026

Небольшой город живет скучной, размеренной и предсказуемой жизнью. Но однажды покой провинциальной повседневности нарушают странные люди, появившиеся в городе словно из ниоткуда... Фонд поддержки инноваций спонсирует разработки удивительных приборов, которые действуют вопреки законам физики, чернокнижники и звездочеты создают тайное общество, а в политических интригах местных властей оказывается замешан оборотень, до того не прибегавший к своим сверхспособностям. В какой-то момент главные герои догадываются, что все эти события связаны с загадочным артефактом, который они нашли на месте сарматских захоронений, сделанных две тысячи лет назад. Расследование этой истории связывает древнее городище в Сарматском лесу с магическими ритуалами халдеев Вавилона, магов Парфии и масонов Европы.

© Пржиленский И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Странники в ночи	6
Пролог	7
Глава 1. Странники в ночи	8
Глава 2. Трое	30
Глава 3. Хранитель	57
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Игорь Пржиленский

Сарматский лес

Глава 1. Странники в ночи

Три царя видят на небе звезду.
Три царя боятся шагов за углом –
они проникли нелегально в эту страну...
...у них такая работа – им на все наплевать,
каждый год они приходят в этот город опять.

«Три царя», Илья Кормильцев (Nautilus Pompilius)

Все имена и названия – вымышленные.
Все герои и места – настоящие.
Все совпадения – не случайные

Пролог

Город наш не велик, но и не мал. Живет в нем дух времени и историю помнят старые дома. Глубокой древности он не застал, а построен был уже в годы правления императрицы Екатерины Великой.

Город наш расположился на юге, хотя южным его принято считать только по нашим, российским меркам. Для людей из теплых стран и краев может он вполне показаться и северным, с морозными зимами, снегами и студеными ветрами. На глобусе он расположен ровно посередине между экватором и северным полюсом – на сорок пятой параллели. Поэтому летом тут жарко, а зимой – холодно.

Город наш, может, и не самый богатый, но и бедным его тоже не назовешь. Жили и кутили тут когда-то щедрые купцы и зажиточные казаки, ссыльные вольнодумцы – невольные поэты и вольные каменщики. Заводов с фабриками тут было не так много, чтобы город считать промышленным, но в советские годы они все же появились, как выросли и сопутствующие спальные районы из типовых многоэтажек. Их наличие отличало наш город от тихих курортов с живительным воздухом, тенистыми променадами и исключительно культурной судьбой. Одним словом, город моего детства и молодости был неприметным, но замечательным и, в целом, вполне достаточным. Можно даже сказать – самодостаточным.

Наверное, именно в таком городе и должно было произойти нечто, чего не следовало ожидать в других местах – до пошлости заурядных или неповторимо особенных. История эта может показаться читателю мистической и даже в каких-то проявлениях совершенно фантастической. Хотя, как это часто бывает в жизни, события самого сверхъестественного свойства, когда все же происходят, кажутся вытекающими из самых ординарных и естественных причин.

Глава 1. Странники в ночи

1

Начну свой рассказ с самого начала. А началось все на даче.

Место, о котором далее пойдет речь, называлось нами дачей весьма условно. Так мы называли не только отдельно взятый участок с домом, но и всю близлежащую округу. Дачный кооператив «Лесок» служил лишь отправной точкой наших путешествий, а поездки «на дачу» со временем превратились для нас в настоящий ритуал.

Так уж исторически сложилось, что дачная культура в нашей стране стала неотъемлемой частью жизни миллионов. Загородные дачи для богатых горожан, а позднее и мещан среднего достатка, сделались излюбленным местом сезонного отдыха еще до революции. А спустя несколько лет после того, как гражданская смута завершилась и утвердилась советская власть, дачи вновь стали важным элементом социального статуса, показывавшим пусть не богатство, но – влияние. Размер и местоположение загородного дома или надела подчеркивали ранг и заслуги владельца.

Уже на закате советской эпохи почти любой желающий получил в свое распоряжение земельный участок, но в отличие от старых госдач, которые давали заслуженным людям, это были сплошь пустыри и огороды: от четырех до семи соток (это уж, кому как повезет), да домик, который не сильно должен превышать габаритами разросшийся сарай. Властям не очень-то хотелось, чтобы народ вкладывал много сил и творческой энергии в личные хозяйства, но даже такая дача служила немалым подспорьем, возможностью растить свой сад-огород для горожанина, оторвавшегося от деревенской грядницы. Она уже не была местом променадов, пленэров и музыкальных вечеров под открытым небом, как в дореволюционные времена. Теперь это был скорее увлекательный, но беспощадный квест.

Дача, с которой я начинаю рассказ, относилась как раз к тем самым советским кооперативным нарезкам. Наш кооператив назывался «Лесок» и был относительно небольшим: он состоял из нескольких десятков участков, а на карте образовывал ровный круг: кольцо дороги по периметру отделяло его от леса, а поперек кружок делили несколько параллельных улочек – настолько узких, что на каждой из них вряд ли бы разъехались два встречных автомобиля. Кооператив располагался в центре красивого леса, который скрывал под сводами старинное городище древних времен. Часто в летнее время на его полянках что-то раскапывали археологи и помогавшие им практиканты – студенты исторического факультета. Правда, в последние годы такие экспедиции встречались в лесу все реже и реже.

2

Лес назывался Сарматским. Такое необычное название он получил потому, что еще столетием ранее, когда местные поселенцы осваивали скалистые, поросшие лесом окраины города, они тут и там натыкались на множество старинных предметов и захоронений, сделанных, как считали историки, сарматами. Вплоть до раннего средневековья этот древний народ населял степи и предгорья от Уральских гор аж до Дуная. И в момент первых раскопок именно находки сарматской эпохи образовали основной археологический пласт, изучаемый собирателями ценностей и краоведами. Уже позднее здесь нашли и золото скифов, и стоянки племен кобанской культуры, и выяснили, что на месте Сарматского городища в средние века существовал большой город Хазарского Каганата. Люди жили в нем вплоть до тринадцатого века, после чего он оказался погребен оползнями и скрыт в тени реликтового леса.

Но что было делать? Название к тому времени уже твердо застолбили за собой сарматы. А потому и лес был Сарматским, и городище называлось Сарматским, и мы, регулярно встречаясь на даче и отправляясь на целые ночи в этот дикий заповедный уголок, превращались в сарматов – его полуночных обитателей.

3

Подступаясь наконец к рассказу, я кратко представлю моих друзей, и начну с действительного хозяина дачи – Александра Сергеевича Мирного (а для нас – просто Санька. Это для сотрудников и посетителей своего земельно-кадастрового управления пусть он будет Александром Сергеевичем).

В советские годы эту дачу получили его родители. Отец Санька, отставной военный, построил на участке небольшой добротный дом с погребом из ракушечника, остекленной верандой и мансардным этажом. В нем помещалась узкая, но необходимая кухня, две комнаты на первом этаже, еще одна спальня на втором – мансардном этаже под крышей. Ну и главное – все удобства располагалась тоже в доме, а не в огороде. Позже был пристроен и гараж, и большой длинный навес. Яблони и орехи к тому времени сильно разрослись и накрыли весь двор густыми кронами, давая спасительную тень в жаркие дни.

Санек уже несколько лет встречался с девушкой, которую звали Эльмира. Через два года после описываемых мною событий она стала его законной женой. Мы все хорошо ее знали и на даче она бывала с нами довольно часто. Временами, особенно летом, казалось, что фактически они с Саньком уже живут вместе и бывают там чаще, чем в городе. Эльмира готовила еду, поддерживала в доме некоторый порядок после наших набегов, притом была незаметной, сторонилась общих посиделок, оставаясь для нас частью дачного уюта. Мне кажется, что с Саньком у нее и не было иного выбора: чтобы занять должное место в его сердце, ей пришлось стать органичной частью его дачной жизни.

Саня Мирный все время что-то мастерил и совершенствовал в своем хозяйстве: достраивал дом, строил баню, восстанавливал не пойми где найденный мотоцикл, вытачивал финки из стальных заготовок. Когда мы с ним познакомились я понял, что Саня мог делать своими руками любую работу, за какую ни брался. Самое важное, чему он меня научил собственным примером: человек способен создать очень многое, почти все, главное – точно знать: что, как и зачем ты хочешь сделать.

Он часто отправлялся в походы и умел без спичек добыть огонь, соорудить лежанку из мха, чтобы заночевать под снегом без спальника. Санек знал все тропы, поляны, закоулки и пещеры окрестного леса как свои пять пальцев. Он разве что не ловил голыми руками форель из ручья – и то лишь потому, что форель в маленьких ручейках Сарматского леса отродясь не водилась. С альпинистским снаряжением он ходил горы, и даже как-то зазвал меня на старый заброшенный в лесу каменный мост бывшей железной дороги, построенный когда-то пленными немцами.

Колонны этого немецкого моста в высоту достигали двадцати метров. Мы, подобно скалолазам, поднимались по отвесным стенам: спустя время я научился перемещать свой вес и держаться за миллиметровые выступы в каменной кладке буквально кончиками пальцев. Со страховочными тросами, карабинами и всей необходимой снарягой мы доходили до уровня технических окон – сквозных будто бы бойниц высотой с человеческий рост. В таком окне мы даже как-то раз остались на ночевку. Его внутренний размер – примерно два на три метра – как раз позволял установить палатку и разместиться в спальных мешках.

Зачем мы ночевали на заброшенном мосту, занимались альпинизмом, для чего на целые ночи уходили в лес – никто из нас теперь наверняка не скажет. Мы и тогда вряд ли бы смогли

найти тому уважительную причину. Но было в этом что-то азартное, таинственное и романтическое, а главное – правильное...

Санек Мирный с ранних лет знал Максима Чеканова и Тимура Дамирова. Все они росли в одном дворе, ходили в одну школу – словом, были друзьями детства. Мы же с Максимом познакомились уже во время учебы в университете, где попали в одну группу и довольно быстро подружились. Благодаря Максиму я узнал Тимура и Саньку, а также побывал в Сарматском лесу.

Летом две тысячи одиннадцатого года, когда все и завертелось, Тимур пребывал в поисках постоянной работы. В тот год он вернулся из армии и несколько месяцев не мог найти хороших вариантов для начала карьеры, а потому в свободное время занимался спортом: ходил в качалку, каждый день бегал на длинные дистанции – через лес, вокруг городского пруда и обратно. Нужно сказать, что мы и так не были чужды здоровому образу жизни, а свободное время частенько коротали, занимаясь на брусьях и турниках во дворах нашего района. Но по следам Тимура и мы с Максимом, сами не заметив, стали по вечерам регулярно посещать тренажерный зал или бегать на пруду.

Тогда же в нашу дачную команду влился мой школьный друг Леха Кириченко, который к той памятной поездке осуществил свою давнюю мечту – приобрел бензопилу. Когда наш лесной отряд собрался в таком составе, выяснилось, что в городе все мы жили по соседству – не просто в одном районе, а в пределах одного квартала, и у всех нас оказалось много общих знакомых и друзей, но главное, что нас объединило – страсть к путешествиям по дебрям окрестных лесов, гор и степей. В поисках необычных мест, заброшенных сооружений и красот природы мы могли на много часов покидать город и бродить по чащам и полянам, пересекая реки и овраги. Бывало, мы прокладывали новые маршруты, исследовали балки и озера, заброшенные полуразрушенные мосты. Но даже когда мы не планировали какой-то дальний поход, почти каждые выходные мы собирались на даче. Оттуда, в полной экипировке и с необходимой провизией, мы отправлялись в Сарматский лес уже проверенными тропами, где облюбовали несколько удобных мест для привала. Чаще всего в лесу мы оставались на ночь: до утра мы готовили походный ужин, спали, медитировали. Трудно словами описать ощущения, когда в глухом лесу, в местах древних тысячелетних поселений, я оказывался под ночным небом и смотрел на те же звезды, которые до меня здесь видел какой-то скифский конник или хазарский лучник с колчаном стрел за плечами.

Мы не раз обсуждали, что в то же время, пока мы кашеварили в лесу или просто валялись на поляне, где-то в городе, что гудел и озарял небо в отдалении, тысячи других моих соплеменников скучно засыпали в своих кроватях. В паре метров над ними, вместо звезд бескрайнего южного неба, нависали бетонные плиты перекрытий их многоэтажек. Вместо трескучего костра им не давали замерзнуть извилистые хитросплетения труб и батарейных секций, по которым неустанно струился кипяток. Без этих бетонных коробов с венами и артериями водоснабжения и водоотведения они оказались бы беззащитными и жалкими. Жители современных городов попали в зависимость сначала от сетей электричества, давшего им свет, а затем и телевидения, и интернета, принесшего в их бетонные коробки аттракционы и развлечения, шоу и новости, ощущение включенности во всеобщий ход истории.

И вот мы, вырываясь из своих, справедливости ради, таких же бетонных коробок, уходя в скитания по дикому Сарматскому лесу, получали хотя бы на время свободу именно от этой кирпично-неоновой зоны искусственного комфорта. Я понимал, что мы сможем, если вдруг в городе надолго отключится свет, закончится бензин и не будет воды, спокойно уйти сюда, а если нужно, то и еще дальше – и особо не переживать по поводу краха цивилизации. Это дарило нам всем какую-то иллюзию независимости от искусно свитой и опутавшей нас социальной среды обитания. Встречаясь на даче и исследуя окрестности, мы выстраивали свое маленькое сообщество, основанное на свободе, дружбе и вере во что-то большее, чем наши

повседневные хлопоты. Наш девиз звучал примерно так: нас невозможно сбить с пути, нам все равно куда идти!

Может поэтому именно нам, а не каким-то археологам или случайным грибникам, открылось нечто в Сарматском лесу.

4

Наконец, пришло время представить последнего (по порядку, но отнюдь не по важности) участника нашего лесного отряда – чистопородную немецкую овчарку по кличке Бумер. Он появился на даче маленьким пушистым щенком и рос на наших глазах не по дням, а по часам. Санек пса обучал походной дисциплине, но тот был молод, горяч и прожорлив, притом характер имел очень добродушный, но своенравный. Роль Бумера в последующих событиях также оказалась весьма заметна, но – обо всем по порядку.

За сим, пожалуй, я завершу вступительные пояснения и перейду к сюжету, ведь в наше скоротечное время читатель может обвинить меня, как рассказчика, в нерасторопности и излишнем многословии. А я, к тому же, рискую завязнуть в воспоминаниях о днях минувших... Но, уверяю – мне менее всего хотелось бы, чтобы мой рассказ превратился в мемуар или скучную хронику, а потому впереди будет все как положено – и сюжетные повороты, и неожиданные герои, и светлые мысли, и темные личности.

5

История эта началась в предпоследний день августа две тысячи одиннадцатого года. Сезон дождей еще не подступил, но жара выдыхалось: хоть днем было еще тепло и сухо, ночи уже были прохладными. Степь выцвела, пожухла трава, на тротуары первыми упали высохшие листья каштанов и акаций.

Получив диплом юриста, я пару лет совестливо поработал госслужащим, посидел за стеклянными стенками кабинки клерка, оформляя разнообразные движения недвижимости. Я быстро понял, что носить галстук с девяти до шести пять дней в неделю – точно не то, о чем я мечтал. Потому, когда мне представилась такая возможность, я оставил это неблагодарное занятие и стал преподавать там же, где сам еще недавно получил свой диплом. Помимо того, что вести занятия мне было интереснее, чем сидеть в стеклянной кабинке, эта работа оставляла мне больше свободного времени, которым я всегда дорожил. Не нужно было каждый день идти на службу к девяти, а в иные дни и вовсе можно было остаться дома. Притом, как и школьные каникулы, отпуск мой приходился на большую часть лета, а рабочий год начинался вместе с учебным – первого сентября. Поэтому для меня, уже взрослого, как и для всякого ребенка, конец лета был вдвойне грустным временем. Скорая осень сулила не только холодные дни и непогоду, но и окончание отдыха. Уже через пару дней для меня начинались трудовые будни, и оттого настроение выдыхалось вместе с летом, которое пронеслось как всегда – быстро, шумно, почти незаметно.

6

В тот день все собрались в поход довольно быстро. По пути заехали в магазины, купили продукты и все необходимое. На удивление пунктуален был даже Тимур, которого мы с Максимом обычно подолгу могли ждать, сидя в машине. Он, бывало, полчаса, а то и час принимал душ после пробежки, одевался, собирал вещи. Когда же он наконец появлялся и с хохотом заваливался на заднее сиденье, то на наше возмущение он отвечал, что у него сломался ноготь, порвался шнурок, а то и что-то похуже. Но в тот вечер Тимур был на удивление скор: ни физио-

логического, ни логистического казуса с ним не приключилось. Примечательно, что поехал с нами Леха, который всякий август страдал от аллергии на амброзию – коварный и неистребимый степной сорняк. Леха вообще до начала долгих осенних дождей старался поменьше бывать на улице, но тут вдруг его посетило вдохновение и, видимо, желание опробовать бензиновую пилу, которую он купил специально для того, чтобы оптимизировать и ускорить процесс собирания дров в лесу. Потому в тот вечер мы собрались в полном составе.

Хозяин дачи и главный сталкер Сарматского леса Александр Сергеевич Мирный уже ждал нас на месте. Его рюкзак – профессионально устроенный и столь большой, что сумел бы при необходимости вместить еще одного такого же, как он сам – уже был собран и стоял на скамейке под яблоней. В нем были карематы – складные коврики для сна, вода, котелки, шампуры, гречка, несколько банок тушенки, пара бутылок с мутными самогонными жидкостями: стандартный набор беззаботного странника примерно на три дня автономной жизни.

Навстречу нам вышел Бумер – хоть еще и подросток длинношерстной овчарки, но уже кабанчик внушительных габаритов. Я зашел во двор последним и быстро захлопнул за собой калитку, чтобы пес не выскочил на улицу и не скрылся восвояси. Мало ли, что взбредет в голову молодому немцу, окажись он один в нашей глубинке, не зная ни языка, ни русского менталитета? Его пушистый хвост шуршал в темноте, со свистом рассекая воздух и поднимая ветер. Бумер сделал несколько кругов, но радость свою, как и любопытство, проявил весьма сдержанно: не залаял, не взвизгнул, даже не заскулил, когда до него донеслись веяния еды. Всего лишь исследовал новые запахи, оценил гостей, после чего пропал в темном саду. Не знаю, что больше вдохновило Саню назвать пса Бумером – одноименный фильм или весь немецкий автопром в целом. Но что-то баварское в этом имени вполне соответствовало не только происхождению породы, но и его характеру.

Уже к восьми часам небо было темным. Где-то вдалеке отрывисто лаяла собака, замолкала, опять лаяла, затем ей вторила другая. Над садами тянулись ароматные дымы: кто-то из соседей уже приступил к жарке мяса, а может, затопил баньку. Нередко мы тоже готовили шашлыки на самой даче, после чего могли просто погулять в лесу. Но коли уж вся компания была в сборе, а Леха вооружился бензопилой, нужно было сразу идти в лес. И мы отправились без промедления, за пять минут переодевшись в камуфляжные костюмы, обув берцы и захватив каждый по каремату поверх рюкзаков или армейских вещмешков.

Шли мы обычно молча, вытянувшись в цепочку: один за другим. Проходили через дачные улочки, а затем, в самом лесу – шагали по протоптанным тропинкам. По пути я часто слушал музыку. Выбирал что-то, что всегда соответствовало настроению. Чаще всего в моих наушниках играли долгие психоделические композиции старых британских рок-групп шестидесятых-семидесятых годов. Тяжелый рок или попса казались мне совершенно чуждыми и неподходящими для прогулок по ночному лесу, а иногда лучше всякой музыки и вовсе оказывалась тишина. Лес, если прислушаться, тоже звучал – трели или одиночные выкрики птиц, журчание ручьев с небольшими водопадами, что мы пересекали по пути, шорохи листвы под ногами, поскрипывание высоких деревьев, усиливавшееся в ветреную погоду.

Но в тот раз в моем плеере вопреки обыкновению играл «Nautilus Pompilius». Как правило, я слушал альбомы целиком, как единые произведения – от первой до последней песни. Помнится, в тот раз я включил альбом «Яблокитай», хотя Наутилусы были далеко не в топе самых моих любимых рок-команд и вообще их музыку я слушал довольно редко. Видимо, чтобы разнообразить репертуар и оживить в памяти давно забытые песни, я скинул себе на плеер несколько их альбомов. Ровное и гулкое звучание напомнило мне о школьных годах, когда я впервые услышал этот диск, а также навеяло цитаты из фильма «Брат», где именно эта музыка успешно легла на текст балабановского повествования.

*«Словно странники в ночи
мы по улице прошли...»*

«Да, это про нас», – подумал я.

Бывает так: музыка и текст, казалось бы, не очень содержательные и совсем абстрактные, в нужное время и в нужном месте обретают неожиданный смысл. И смысл этот уже совсем не тот, который хотел вложить в них их автор. Мало ли, о чем вообще он думал и что чувствовал, когда писал стихи?

Главное – теперь они попали в цель.

И в этом заключается маленькое чудо поэзии или музыки. Она в таком случае уже существует сама по себе, она уже оторвалась от автора и исполнителя, который, быть может, уже давно не жилец...

...а оживает она в любом, кто ее слушает, кто ее воспринимает, и через кого она проходит.

*«...И пошли своим путем,
Словно странники в ночи,
Не жалея ни о чем.
Но я верю мы умрем,
Чтобы встретиться опять
И по улице пройти
И друг друга не узнать.
И пойти своим путем
Не жалея ни о чем...»*

Вряд ли Кормильцев, написавший эти строки где-то в далеком дождливом Петербурге, думал о пыльных улицах дачного кооператива «Лесок».

Над нами – тусклые фонари.

Слева – сменяют друг друга заборы дач; за ними – уснувшие садовые домики.

Справа – темный, стрекочущий, зовущий в глубину Сарматский лес.

Но песня была именно про нас. Да, мы еще не раз, спустя годы жизни, будем встречаться, чтобы опять пройти по этой улице... словно странники в ночи. А каждый из нас потом действительно пошел своим путем.

Не жалея ни о чем.

7

Улица, тем временем, покинула пределы дачного кооператива, превратилась окончательно в проселочную дорогу и свернула вправо, где лес сменился зарослями камыша. Еще немного, и мы вышли на поляну, ярко освещенную луной. По периметру чернел лес. В самой глубине поляны светлым пятном выделялось трехэтажное здание. Если приглядеться, то было видно, что ни одно окно не светится, напротив – все они, как бойницы старинной крепости, чернели пустотой. В проемах не было ни рам, ни стекол. Между этажами выпирали задуманные как балконы горизонтальные плиты без перил или иных ограждений.

Этот заброшенный недострой был спроектирован как профилакторий или санаторий для бойцов афганской войны. Но когда случилась перестройка, а затем государство, посылавшее бойцов на войну, буквально растворилось, ввести в эксплуатацию практически достроенное здание как-то забыли. За суетой забытья из окон стали пропадать стекла и рамы, из дверных проемов – двери, из стен – медная проводка, из стояков – водопроводные трубы.

Окна профилактория сверху имели форму скругленных арок, что добавляло ему сходства с каким-то зданием в любой арабской стране (можете подставить любую на выбор), хотя и уцелевшим после бомбежки израильской военщиной или американским империализмом, но уже явно непригодным к проживанию. Профилакторий за долгие годы запустения со всех сторон обступили кустарники, высокие камыши, молодые деревья. Некогда он был выплюнут цивили-

зацией, оставлен людьми на границе заповедного леса, уже наполовину переварен и проглочен природой и скоро, казалось, совсем должен раствориться в чаще как нелепое недоразумение. Отчего-то дикий лес все никак не решался заглотить это железобетонное лакомство. Может, процесс ферментации еще не достиг нужной стадии?

Мы миновали этот советский зиккурат, от которого веяло сыростью штукатурки и гнилью. Обошли тропой какие-то бетонные кубы, утопшие в земле на входе в Сарматский лес, и попали, наконец, в чащу – под густые своды ветвей, скрывших небо и лунный свет.

Добро пожаловать в зону. Именно такие слова сказал мне когда-то Максим Иванович Чеканов на этом самом месте, когда я приехал с ним на дачу, познакомился с Саньком и впервые в жизни очутился в Сарматском лесу.

8

И пошли своим путем, словно странники в ночи.

9

Дневная прогулка по лесу не идет ни в какое сравнение с ночной, пусть и по тому же лесу, и той же тропею. Во тьме все чувства обостряются, все шорохи в ночи слышатся громче и явственнее. Слух старается отделять шелест листьев под ногами от посторонних звуков, что доносятся издалека.

В ясную лунную ночь прорехи в кронах деревьев пропускают свет, который падает на землю и освещает путь. В такую ночь можно вовсе не включать фонарь, но идти в этом случае нужно осторожно, чтобы не споткнуться на пути об острые камни или торчащие из земли корни. Зато через пару минут глаза привыкают и лес уже не кажется столь мрачным – все вокруг становится различимым почти как в сумерках. С фонарем ты движешься лишь в коридоре собственного луча: он может освещать тропу под ногами, но весь остальной лес вокруг потонет во мраке. Поэтому мы, когда ночь выдавалась светлой, обычно гуляли по лесу, даже не включая фонари.

Несколько километров от профилактория дорога шла только вниз – под уклон. Мы спустились по уступам, обходя острые углы камней. Постепенно, из года в год, они поднимались из земли после сильных ливней, незаметно менявших лесной рельеф.

Нужно сказать, что Сарматский лес, как и весь наш город, вырос на плоских известняковых плитах. Но в разломах этих плит, местах каких-то трещин или провалов, со временем появлялись овраги. За столетия они углублялись, почва из них вымывалась ручьями и потоками дождевых вод. В итоге весь лес разделился на множественные плато, разделенные глубокими оврагами, ставшими руслами небольших речек. Глубина таких оврагов достигала в некоторых местах десяти-двенадцати метров, а значит лесное путешествие было связано с постоянной необходимостью то идти вниз, то взбираться в гору, то спускаться по крутому каменистому валу, то карабкаться по осыпающемуся песчаному обрыву.

Наш долгий спуск от профилактория продолжался до водопада. Речка падала с обрыва на пару метров, так что под струями воды в жаркие дни здесь вполне можно было бы принимать душ, став в полный рост. Не доходя до обрыва, за несколько метров выше по течению был сооружен импровизированный мостик-переправа из нескольких бревен.

Саня прошел первым на противоположную сторону мелкого ручья, разделившегося на несколько потоков. Казалось, он даже не заметил воды: наступил на какие-то голыши и не сбавил ход. Он только крикнул:

– Бумер, рядом!

Тогда следом за ним перепрыгнул речку и пес, которого Саня специально учил держаться рядом и не отставать. В походах на дальние дистанции, например, в горах, Бумер должен был всегда быть при ноге и не убегать от хозяина.

За Саней переправлялся Максим. Не так быстро, проверяя ногами бревна и выверяя каждый шаг, он сделал пару прыжков – под его берцами что-то хрустнуло. Одно из бревен провалилось под нажимом и ушло под воду. Но Максим успел переступить дальше и был уже на том берегу.

– Ты что, убил все масти нам и мостик утопил? – спросил Тимур, двигавшийся следом.

– Я не утопил, он сгнил уже.

Тимур, недолго думая, подытожил это наблюдение со знанием человека, недавно вернувшегося из армии:

– Как и все в нашей стране, – и он звонко загоготал так, как умел только он один. Не особо переживая о судьбе сгнивших бревен, он прошлепал прямо по ручью. Следом прошел Леха с бензопилой наперевес. Я замыкал шествие и видел, как кусок доски от недавней переправы был подхвачен ручьем, закрутился по течению и, проплыв несколько метров до водопада, упал в овраг.

Мы услышали звонкий плюх воды. Затем водопад вновь вернулся к мерному гулу, растворявшемуся в низовьях.

В моем плеере Наутилус в это время что-то пел про сестер печали:

«У реки, где со смертью назначена важная встреча,

У моста, где готовятся к страшным прыжкам,

Кто-то нежно кладет тебе руки на плечи

И подносит огонь к побелевшим губам...»

10

От водопада и до места нашего расположения дорога пошла в гору. Подъем был пологим, но занимал почти все время оставшегося пути. Справа от широкой тропы, промытой дождями, овраг падал вниз, к речке. По мере подъема поток оказывался все дальше от нас – он еще шумел где-то внизу, но уже слабее и тише. Затем дорога увела нас в сторону от реки, и вскоре мы вышли на поляну. В эту ночь весь открывшийся нам простор оказался залит лунным светом.

Я не очень любил ночи, когда луна висела над нами подобно светильнику. Почти все звезды, кроме самых ярких, тогда исчезали и нельзя было увидеть всю глубину южного неба: млечный путь, множество созвездий, метеоры, сгорающие в атмосфере. Если до предрассветного часа луна так и не зайдет, насладиться звездным небом не выйдет.

Наше укромное место находилось не на самой поляне, а чуть выше – в лесу. Мы специально выбрали его так, чтобы костер не был виден издалека, но при этом можно было за пару минут дойти до склона, с которого открывалась завораживающая панорама окрестностей.

Эта Поляна в негласном языке нашей компании стала именем собственным. В мире существовало множество разнообразных полей, но при этом лишь одну – ту самую, каждый из нас подразумевал без дополнительных пояснений. Она не была ровной и однородной: верхняя часть была плоской и довольно обширной, а примерно на том уровне, где мы размещались, начинался спуск, и поляна скатывалась ковром разнотравий к центру городища, который археологи обозначили на планах как цитадель. Это были развалины неприступной сарматской крепости с насыпными валами, стенами и круглым каменным фундаментом древнего храма посередине. Со временем на месте цитадели вырос лес, который затем спускался еще ниже, к низовьям реки.

Наш привал на склоне поляны находился в самой верхней точке городища, и мы могли видеть, как вдалеке, за пределами Сарматского леса, мерцают огоньки поселков, змеится

трасса, то выныривая из-за оплывших курганов, то скрываясь за холмы или лесополосы. И так, волнистой простыней, уходит в ночную даль бескрайняя степь – с городами и дорогами, балками и взгорьями, пока не упирается в горную цепь Большого Кавказского хребта. В редкие ясные дни, чаще в утренние часы – пока пыль еще не поднялась во весь рост – с этой точки можно было увидеть и снеговые вершины Кавказа, и величественный Эльбрус. Такой была наша локация: сидели мы высоко, глядели – далеко.

11

В какой-то момент дача, Сарматский лес, Поляна городища стали буквально местом свершения культа, а какой культ обходится без соответствующих ритуалов? В ритуалах не могло быть мелочей. Ритуалы были негласными, оттачивались годами, совершенствовались и практиковались нами как истинными жрецами культа.

Верховным жрецом культа являлся, конечно, Санек. Он приносил в жертву костру невидимое дуновение, а огонь сходил из его рук быстро и в любую погоду. Отсыревшие коряги от заклинаний Санька восплалялись с яростью сухого хвороста. Мы, как ассистенты верховного жреца, собирали по лесу дрова с таким запасом, чтобы хватило до самого утра.

В лес я брал мачете, что носил на поясе – полуметровый бразильский нож, всегда заточенный как лезвие бритвы. При своей остроте он был достаточно тяжелым, что позволяло мне как топором рубить им дрова. Десятком ударов я срубал ствол засохшего дерева средней толщины, которого хватило бы для костра на пару часов. Этот мачете был опасным оружием: единожды он уже испил человеческой крови. Не подумайте чего... это был лишь несчастный случай. Жертвой бразильского меча и собственной же неосторожности стал Тимур. Уж не вспомню как, но он, целясь по бревну, неловко умудрился попасть лезвием по собственной ноге. Нож рубанул ему ниже колена, рассек кожу и дошел до большеберцовой кости. В последний миг, когда лезвие пошло куда-то не туда, Тимур успел это понять и смягчить удар, что вероятно спасло ногу от перелома. Зрелище было, конечно, жутким: но какой культ обходился в своей истории без кровавых страниц и невинных жертв?

Леха же раньше всегда ходил в лес с топором. Подобно леснику с картинки, Леха с топором за пазухой выдвигался на поиск самого большого сухостоя. Иногда сам, иногда с нашей помощью, он подрубал и валил его, после чего волок бревно к костру. Но в какой-то момент в глубине Лехиных глубин стали происходить процессы поиска новых совершенных форм заготовки дров. Он задумывался о том, что мы уже не дети, и все эти шалости и игры в индейцев с топорами и мачете пора прекращать. Как я уже говорил, незадолго до нашего похода он все же купил бензопилу. Не самую большую и производительную, но вполне достаточную, чтобы за пять минут превратить взрослое дерево в аккуратную кучку дров.

Насколько духи дачи и космос в целом отнеслись бы к такому значительному и, я бы даже сказал, дерзкому отступлению от ритуала, сказать было сложно. Но факт остался фактом: Лехина пила в тот вечер звучала в лесу первый и последний раз. Исправно пилила она примерно десять минут. Потом замолчала навсегда...

Все-таки ритуалы, как составные действия любого культа, элементы не случайные, а наоборот – необходимые. Бывает в жизни так, что сам процесс зачастую нам важнее, чем результат. Как знать, возможно, спустя годы эти походы и остались для меня приятными воспоминаниями из молодости именно из-за той безбашенности и трудностей, которые мы вместе преодолевали, подобно древнему племени. Наверно потому, что в лесу не было бензопил, шезлонгов, мангала и готового угля, а каждое бревно добывалось потом (а иногда даже кровью), те шашлыки и были столь хороши, как никакие после. И даже гречневая каша с говяжьей тушенкой, приготовленная в военном котелке, была так изумительна именно потому, что путь к ней пролегал через ночной лес и сопутствующие ритуалы, которые не просто заставляли нас

что-то делать, но не давали забыть, почему мы это делаем и зачем. А может, духи дачи просто не оценили тогда всего блеска рационализаторской идеи Лехи? Как бы то ни было, но грохочущий дебют бензопилы в ту же ночь оказался ее последней гастролью в Сарматском лесу.

Помню, как сегодня: было выбрано самое высокое, еще не упавшее, но уже полностью высохшее изнутри дерево, стоявшее на краю поляны. Леха заранее изрядно повозился с пилой, что-то откручивал, а затем усердно затягивал гаечным ключом. В ночной свежести леса до нас долетали запахи бензина и машинного масла. В какой-то момент, сдув волосы с запотевшего лба, он обвел нас триумфальным взглядом, в котором сверкнули искры не только отразившегося костра, но и демона прогресса. Это был даже не Лопакхин со своими топорами против вишневого сада, а нечто большее! Несколько раз Леха дернул за тросик – стартер зарычал, завелся и пила довольно громко зарокотала в ночи. Триумф техники с двигателем внутреннего сгорания, пусть и кратковременный, подарил нам дров практически на всю ночь.

Все дальнейшие попытки оживить агрегат оказались тщетны. Что-то в ней чихало, что-то рычало, но повторно у Лехи запустить бензопилу уже не вышло. Он тогда говорил что-то про гарантию, про то, что дома разберет ее и все отладит. Забегая вперед, скажу, что впоследствии пила так и не ожила, а Леха Кириченко не скоро поехал с нами на дачу.

12

Надеюсь, рассказом о подробностях наших походов, немного сбивчивым и ностальгическим, я не сильно утомил внимательного читателя. События того вечера и все последующее происходило действительно так (ну или почти так), как я описываю. Детали повествования и характеры моих друзей, равно как и других героев, будут раскрыты далее непременно. Но хотелось бы, чтобы читатель понимал полноту нравов и обстоятельств, что в те годы определяли саму суть нашей компании, нашего (если можно употребить это старинное французское слово) шарабана.

13

Ритуал с приготовлением мяса был в самом разгаре. Саня неспешно помахивал картонкой и угли, на которых готовился шашлык, вспыхивали красным, желтым и даже глубоко-фиолетовым жаром.

– Сегодня все мясо уместилось на три шампура? – спросил Тимур, возникший откуда-то из мглы.

– Да.

– Это шикарно...

– Это кошерно, – сказал Саня.

– Как хорошо-то, – уселся Тимур к костру, – пацаны, если все-таки случится конец света, то я хочу встретить его здесь.

– Я тоже... Только там, на камнях, на краю поляны, – уточнил Санек.

Разговоры про конец света в две тысячи одиннадцатом году были довольно распространенным явлением, потому как наступления его ждали всего через год – в две тысячи двенадцатом. Тогда якобы заканчивался календарь племени Майя. Множество фильмов, сериалов, публикаций в желтой прессе активно раскручивали эту тему. Обсуждали, в частности, каким этот конец окажется, а также что лучше делать, когда он все же наступит. Поэтому шутки про скорый армагеддон были в ту пору естественным продуктом эсхатологического маркетинга. Как известно, ожидание конца света очень хорошо продается практически во все времена, хотя мало кому в истории удавалось его пережить.

Когда мясо было прожарено и все было почти готово к ужину, на месте углей вновь следовало разжечь костер, чтобы он осветил уже полуночный мрак. Максим извлек из своего вещмешка уже старый журнал. Такие печатали когда-то еще не на глянцевой, а на газетной бумаге. Та пожелтела, а текст и фотографии на страницах побледнели. Видимо, журнал много лет валялся где-то на даче у Санька, ожидая своего часа как полезная макулатура. Обложка уже была оторвана и использована ранее для розжига, а потому даже названия этого желтого чтива откуда-то из конца девяностых я не назову.

– Максим Иваныч, поджигай, дай света, – сказал Саня. Он частенько обращался к Максиму по отчеству – не фамильярно, а тепло и уважительно, как в каком-то старом советском фильме. Поэтому я в своем рассказе тоже иногда буду называть Максима по имени-отчеству. Хотя все мы были сверстниками и, разумеется, на «ты», полное обращение «Максим Иваныч» уже вошло в наш собственный лексикон.

– Погоди, Саня, – отозвался Макс, – я тут одну заметочку оставлю, – и он аккуратно вырвал из журнала один лист, который отложил в сторонку.

– Что там? – поинтересовался Леха. – Очередная сенсация про то, как оборотень, убивавший бирюлевских проституток, оказался сводным братом губернатора?

– Ну почти, – улыбнулся Максим Иванович, – тут про могилу Тамерлана. Пишут, что над ней неоднократно было зафиксировано какое-то свечение, а приборы до сих пор показывают повышение электромагнитного фона.

– Да, я когда-то читал про то, что гроб Тамерлана нельзя было вскрывать, и что с ним якобы связано проклятье, – сказал Саня, – вроде бы из-за того, что гробницу вскрыли, и началась война.

– Раскопки могилы Темура начали утром 21 июня 1941 года, – прочитал Максим, – это документальный факт. Участники экспедиции отмечают, что с утра у всех было угнетенное и подавленное настроение. Сначала погас свет по неизвестным причинам, затем остановилась лебедка. Оператор Малик Каюмов вышел на перерыв в чайхану, где встретил троих стариков, которые указали на место в старинной книге, где упоминалось, что нельзя раскапывать могилу Темура, так как начнется война: «Кто вскроет могилу Тамерлана – выпустит на волю духа войны. И будет бойня такая кровавая и страшная, какой мир не видал во веки вечные...»

– Правильно. Когда Тимур отдыхает, его лучше не будить, понятно вам, сынки? – с наизиданием сказал Тимур и показательно улегся под дуб.

– Так он Тёмур, а ты – Тимур! – заметил Леха.

– К черту мелочи... – ответил Тимур.

После зловещей паузы, которой поверил бы и Станиславский, Максим продолжил:

– Свет включился так же, как погас, сам по себе, и работы возобновили. Могильная плита была очень тяжелая, а под ней было еще две. У скелета, извлеченного из могилы, была повреждена коленная чашечка, и это стало подтверждением, что в могиле похоронен Великий Хромец. Члены экспедиции вернулись в гостиницу, включили приемник и услышали на английском канале новость о том, что немцы вторглись в СССР. Фактом также является и то, что практически сразу после захоронения (с соблюдением канонических обрядов) останков Тимуридов, Советская Армия одержала победу под Сталинградом, что в свою очередь, стало переломом в ходе всей Войны.

Когда Максим дочитал до этих слов, тлевший в углях журнал, из которого были вырваны страницы про Тамерлана, резко вспыхнул и озарил наши лица ярким огнем. Я подсел к племени поближе, протянул руки, как будто хотел согреться, хотя совсем не замерз. Последняя летняя ночь была хоть и свежей, но еще не столь холодной. А Максим Иванович бросил в огонь несколько веток, после чего костер возродился и теперь ярко освещал опушку меж деревьев, и нас, сидящих кружком. Ни я один, а все мы практически одновременно подались к огню.

Никто не поднял пятых точек и не подсел ближе, просто взоры, наклон корпуса, вытянутые руки – все указывало на то, что костер стал точкой притяжения для всех пятерых.

Мне думалось, что неслучайно человек, приручив огонь, в последующие века переманил его вслед за собой в свое жилище и поселил в печах и каминах, подкармливая дровами и заговорами. А когда огонь физически стало невозможно, да и не нужно держать в многоэтажных коробках, быстро придумал ему замену в виде телевизора. Огоньки в овальных кинескопах стали из черно-белых цветными, а позже они возгорались в матрицах из плазмы или в жидких кристаллах. По меркам ранних эпох огонь был не только стихией, но целой магической реторикой, способной показывать и рассказывать человеку истории из всех уголков земли, проповедовать новые идеи и смыслы. Уже не камины, а экраны собирали по вечерам семьи, заставляя их заморожено вглядываться в мелькание огоньков, пытаясь в этих свечениях прозреть прошлое и будущее.

Саня, словно услышав мои мысли, спросил:

– Почему человека всегда так тянет к огню? И почему люди так любят смотреть на огонь, могут часами вот так глядеть, как под гипнозом.

Говоря это, Санек сам смотрел на костер не отрываясь.

– Я вот заметил, что все светловолосые, – продолжил он, – особенно рыжие, вообще от огня не отходят.

– Кто? – переспросил Максим, не расслышав. – Рыжие люди?

– Да, рыжие. Когда мы собираемся, не отходят от костра, постоянно подбрасывают ветки, что-то поправляют. Даже когда огонь не нужен. Их будто тянет к нему магнитом. Черт его знает, наверное, это уже сформировалось за тысячи лет в нас. А рыжие – они же потомки викингов. А там всегда очень холодно, очень суровые условия. На севере, если нет огня, это – смерть.

Нужно пояснить, что Санек имел в виду не только всех рыжих вообще, но и говорил о конкретных своих друзьях, двух братьях с яркими рыжими волосами и веснушками, что частенько гостили на даче. Кроме как по имени, он часто называл их рыжими за глаза (да и в глаза тоже).

Трудно сказать наверняка, насколько с его рассуждениями согласились бы генетики или антропологи, но в этом была своя правда, и основывалась она не только на наблюдениях Санька.

– Огонь помогал выжить, – ответил я, – защищал от хищников.

– Да, ночью, как сейчас, огонь заменяет нам солнце. Это как частичка солнца на земле. Поэтому все языческие ритуалы поклонения солнцу были связаны с огнем. Прыжки через костер, и прочее.

– А древних персов вообще называли огнепоклонниками, – добавил Леха.

– Так что мясо, приготовленное на огне – это вкус древности, – заключил Саня и взял один из шампуров, – приступим.

Мы разлили по походным металлическим рюмкам горькую настойку на травах, о которой я еще скажу далее, достали бутыл с острым соусом, разложили свежие овощи и зелень, после чего принялись за трапезу. Куски нежного куриного филе мы не снимали с шампуров в тарелку, а сразу отправляли в рот, обхватив куском лаваша.

После еды можно было отдохнуть. Кто-то проваливался в сон, а кто-то медитировал и созерцал природу до самого восхода. Мы с Максимом обычно до рассвета так и не засыпали. Остальные, напротив – отваливались от костра и могли кипеть под шелестящими сводами ясеней и дубов до прихода солнца. Рядом с Саней послушно лежал Бумер. Он иногда приподнимал голову, смотрел в костер, а потом опять клал морду на лапы и мирно дремал.

Я же, как и Максим, в лесу испытывал прилив бодрости и крепко заснуть не смог бы даже при желании. Поэтому мы после трапезы какое-то время сидели у огня, подкидывали свежих дров в костер, спорили о политике, после чего отправлялись на поляну.

Близился рассвет.

14

С Максимом Ивановичем судьба свела нас на первом курсе юридического факультета, где мы оказались в одной группе. С тех пор мы с ним сошлись во многих общих интересах: от политики и экономики до музыки и кино. После окончания учебы мы к тому же попали с ним в одну контору, на государственную службу, о которой я уже упоминал. После недолгого периода обретения нами первичного стажа я закончил аспирантуру и остался в университете преподавателем, а Максим через несколько месяцев перешел на работу в правительство нашего края.

Он сидел в самом центре города, с парковкой за шлагбаумом и окнами, выходящими на центральную площадь и филейную часть Ильича. Что и говорить, все мы знали Ильича в лицо, с кепкой в руке, прижатой к груди... Ежедневно, прогуливаясь по площади, горожане видели его в фас или профиль. Но только для чиновников правительства – обитателей бывшего Дома Крайсовета – открывался особый, эксклюзивный вид на обратную сторону личности Вождя Мировой Революции (можно сказать, темную сторону Луны). Несомненно, что тот, кому открывалась столь сокровенная перспектива, мог уверенно сказать про себя: «Государство – это Я!».

Впрочем, Максим Иванович, оказавшись внутри аппаратной работы, денно и ночно обеспечивающей всеобщее благоденствие, не рассматривал ее как какую-то привилегию. Напротив, он отзывался о своей работе как о рутине, ничего общего не имеющей с романтизируемыми в массовом сознании представлениями о политических процессах и властных интригах. Часто так и бывает – ощущение могущества верховной власти сильно преувеличено, в то время как народ управляется скорее промыслом Высших сил, хотя верит, безусловно, во всеильность верхних этажей правительственных зданий. Подковерные интриги, при этом, в основном касаются лишь борьбы за должности, кабинеты и служебные авто, а также возможности контролировать бюджетные потоки, которые данные должности и кабинеты дают. Максим Иванович, зная его воспитание и характер, был чужд лизоблюдства и, напротив, исполнен честолюбия, чтобы за эти самые верхние этажи бороться иначе, чем просто добросовестным трудом. А тогда, в молодости, начинать ему свою карьеру в правительстве приходилось с самых нижних этажей.

15

Мы с Максимом, свесив ноги с выступавшей известняковой плиты, сидели на верхней части поляны, откуда начинался долгий пологий спуск. Возвращаясь к альбому «Наutilus», который сегодня сопровождал меня на пути через лес, мы сидели на склоне холма, у которого действительно не было вершины. Но в этот раз я слушал не музыку, а лишь степной ветер. В предрассветный час, когда небо на востоке должно было светлеть, ветер разгонялся над поляной и волновал травы и цветы. Он сильнее обычного, даже теплой летней ночью, шелестел в кронах деревьев.

Луна уже норовила нырнуть за горизонт. Звезды проступали над нами все отчетливее, их становилось больше, и небо над головой сразу казалось глубже на несколько сотен тысяч световых лет.

В такие минуты, когда я глядел вдаль, в ночную степь, слушал шепот трав, думать и говорить можно было или о чем-то важном, или же ни о чем. Поэтому мы с Максимом Ивановичем могли подолгу молчать. Давно доказано, что молчать о чем-то важном гораздо продуктивнее, нежели о нем говорить. Потому каждый молчал о своем.

Минута за минутой, и ночные контрасты незаметно распались в сумеречной дымке. Фиолетовое тонуло в сером и розовом. С рассветом в лесу замолкли совы, зато по всей поляне – со всех сторон – все громче щебетали на разные лады луговые птицы. Свистели, щелкали, а иные – почти по-лягушачьи квакали.

Слоеный пирог горизонта светлел, и виднелись теперь отчетливо очертания плоской Стриж-горы. Все ее плато было обрамлено таким же диким и заповедным лесом, в центре которого колосилась похожая на нашу поляна, только в несколько раз больше. Там тоже росли заповедные цветы и травы, занесенные в Красную книгу. Несколько веков в этих краях их собирали знахари и врачи, готовили из трав настойки, рецепты которых потом легли в основу легендарного «Стрижика». Эта сорокоградусная настойка даже здесь, на Кавказе – в краях вин и коньяков, считалась эликсиром, соединяющим эгалитарную форму и элитарное содержание. Именно «Стрижик» мы пили сегодня, и вообще считали его вкусовой букет лучшим аперитивом для употребления в Сарматском лесу.

В советские годы один из генеральных секретарей, выходец из этих мест, построил себе на Стриж-горе резиденцию-пансионат прямо в центре заповедного Темного леса (так он назывался). К той резиденции вел извилистый серпантин, упирившийся в шлагбаум посреди чащи. Кто знает, может, это было и к лучшему для нетронутой природы и заповедной поляны. Глядя на ее пологие спуски, я подумал, что неплохо было бы как-нибудь сходить в поход на Стриж-гору.

Как-нибудь...

А может, не как-нибудь, а прямо сейчас? Это «как-нибудь» может значить в нашей жизни то же самое, что и «никогда».

Тогда на поляне, оказавшемся, без сомнения, в центральной точке мироздания, мне казалось после уже пройденного, съеденного и выпитого, посилен любой маршрут, а любое приложение силы будет успешным, ведь Космос был со мной заодно. Со своей Земли я смотрел на Него, Он – на меня, и земное расстояние, равно как и время, казались не столь значительными и даже смешными. К тому же, Космос был заодно с вечностью.

А как там, интересно, в вечности? Там ведь все так же, как всегда и везде, только вот незадача – там нет ни «всегда», ни «везде». Откуда, спрашивается, в вечности может найтись место для пространства и времени? Как бы то ни было, поляна под звездным небом была для меня ближе к вечности, чем любое другое место. Да и много еще чего мне могло показаться в такие минуты мирозерцания. Я становился мистиком, причем в самом что ни на есть буквальном, древнегреческом смысле этого слова. Ведь все мистическое – это то, что мы можем увидеть только когда закроем глаза. То есть все, что вне наших земных чувств.

Чтобы прикоснуться к чему-то запредельному, для начала надо приблизиться к пределу. А пределом этого мира для меня, как и для моих друзей, оказывался обрыв нашей поляны – в самом сердце древнего Сарматского городища. И, как мы выяснили в самом скором времени, в этом месте действительно пролегла одна из границ нашего обыденного мира.

16

В какой-то миг в мерном шелесте трав я расслышал шорох быстрых шагов, которые были все ближе и ближе. Затем я увидел чуткие уши, что торчали над луговой зеленью. Оказалось, что это бежал Бумер – он внимательно все изучал, что-то вынюхивал, а затем присел рядом с нами, сложив лапы и положив на них морду. Следом из леса вышел его хозяин – Александр Сергеевич. Санек, судя по заспанному виду, только встал и решил взглянуть на последний рассвет лета.

– Часто, когда я сижу на этом склоне, – сказал Саня, – представляю себе, что это мог бы быть берег моря. Почему-то у меня не проходит ощущение, что как-то раз я приду сюда,

а тут будет берег, а дальше – бескрайняя вода. И что волны будут накатывать прямо к спуску с поляны, одна за одной.

– Да, было бы неплохо, если б тут был пляж, – сказал Максим Иванович, – только тогда здесь будет полно марамоев, и мы тут уже так спокойно не полежим.

Я улыбнулся про себя словам Макса. Умел он лаконично обозначить социальную проблематику даже в теоретическом контексте.

– Нет, Максим Иванович, никаких марамоев мы к морю не допустим. Это был бы частный пляж. Кооперативный. Со своим блэк-джеком.

– Тогда можно, – успокоился Максим.

– А ведь здесь и впрямь когда-то было море, – сказал я, поднимаясь с земли и усаживаясь поудобнее на большой желтый валун из ракушечника, – Сарматское море. Все эти камни, на которых мы сидим – из ракушек, вы же не забыли? Под плодородным слоем земли – тоже песок и спрессованные ракушки. Выходит, мы и так сидим на пляже. А может, и на дне.

– Да, хорошо здесь было тогда. Всех этих домов еще не было, – добавил Максим, указав большим пальцем куда-то за плечо. Там, за лесополосой, действительно подбиралась к лесу многоэтажная городская застройка: за последние годы скорость ее движения только возросла. В подтверждение его слов откуда-то с недалеких дач залаяла вдруг проснувшаяся собака.

– Кто-то из древних говорил: когда поднимается вода, рыбы едят муравьев, но когда вода уходит – муравьи едят рыб, – сказал я, – это значит, что никто не должен полагаться на свое сегодняшнее превосходство. Если раньше тут плавали рыбы, то потом их доели муравьи... а теперь люди построили на их муравейниках дома.

– Люди построили на муравейниках свои муравейники, – сказал Максим, – которые тоже когда-то сравняются с землей...

– А до людей? Получается, тут был остров? – спросил Санек.

– Археологи говорят, что весь город, как и Стриж-гора, и некоторые другие холмы – были островами. А потом Сарматское море, видимо, с движением континентов, ушло, испарилось. И от него остались три осколка: Черное и Каспийское море, а также наш Центральный пруд.

Мое упоминание пруда, того самого, вокруг которого мы регулярно нарезали круги, вызвало всеобщее одобрение и даже улыбки.

– Выходит, мы тут сидим на берегу обмелевшего моря. А край поляны – вместо набережной, – подытожил Санек, – а все, кто там ниже, в селе – ихтиандры.

– Это точно, – пробормотал Максим, но как-то неожиданно тихо и настороженно, – Саня, глянь-ка, от тебя справа на два часа, у леса. Что это там за ихтиандр всплыл?

17

По тону и выражению лица Максима Ивановича я понял, что кто-то находится помимо нас на поляне еще до того, как увидел сам. Медленно, стараясь не выдать себя движением, мы с Саньком повернули головы.

Внизу поляны, метрах в ста от нас, кто-то стоял. Судя по фигуре, это был скорее мужчина. Он находился в тени деревьев, а поскольку рассвет еще не успел разогнать ночь, был виден только темно-серый силуэт, больше никаких особенностей и деталей. Даже лица его было не рассмотреть – лишь очертания фигуры в сумеречной чаще.

Нельзя сказать, что мы втроем были на виду, так как лежали в высокой траве, облокотившись на коврики. Даже Саня прилег к нам, когда подошел. Бумер тоже был спокоен. Но не было понятно, как долго незнакомец здесь находился? Может, он стоял там давно и даже мог слышать долетавшие обрывки нашего разговора... Если он был здесь уже более пяти минут, то наверняка видел Санька, когда тот выходил из леса.

Я протянул руку к поясу, чтобы для успокоения нащупать в чехле рукоять своего мачете. Но вместо рукояти я нашел лишь пустоту – мачете остался воткнутым в какой-то пень рядом с костром.

– Кто это может быть? – спросил я Санька шепотом.

– Не знаю.

– И чего он там стоит? Давно, интересно, он за нами наблюдает?

– Когда я подходил, его там не было. Может был за деревом? Иначе я бы его срисовал, – сказал Санек.

– Не егерь? Костер-то он увидел наверняка.

– Тут нет сейчас егерей. Не должно быть.

Помолчали.

Я опять медленно повернул голову, чтобы рассмотреть серый силуэт. А когда всмотрелся, то понял, что гляжу уже на кряжистый ствол дерева, выросшего особняком от других.

Посмотрел на Макса: тот в ответ на меня. Он тоже был удивлен.

– Где он?

– Не вижу. Исчез.

– Саня? Видишь?

– Нет, Максим Иванович. Ушел.

Я начал всматриваться правее, левее. Никого на поляне уже не было.

– Ты видел, как он уходил?

– Нет.

– И я нет. Как растворился...

Саня, почти не вставая, как-то по-пластунски, отполз от края поляны.

– Сбегаю, разбужу пацанов. Мало ли...

Не поднимаясь в полный рост, все так же вприсядку, будто под огнем, он быстро стал удаляться в сторону нашего привала. Там все еще тлел костерок, а Леха с Тимуром мирно спали.

– Ну и что это было? – спросил я.

– Понял, что мы его увидели, и куда-то сквозанул, – сказал Макс.

– Как-то он бесшумно... был – и нет.

– Да... – Максим повернулся к Бумеру, который даже ухом не повел. А сейчас предпочел остаться с нами и не побежал за хозяином. – А ты, малой, чего же не учуял чужого? На кой ты нам тут тогда нужен, если ты нос не держишь по ветру?

В ответ Бумер одарил Максима Ивановича таким преданным и даже обиженным взглядом, что стало очевидно: чуйка его с ним и совесть его, по собственному убеждению, совершенно чиста.

Выходило, что наш незванный ихтиандр как всплыл, так и ушел на дно.

Бесследно.

18

Уже рассвело. Лес вокруг теперь был зеленым, ярким, небо в просветах стало голубым. Мы молча сидели у тлеющего костра. Новых веток не подбрасывали, ведь пришла пора собирать вещи и возвращаться на дачу.

– В такое время мы раньше здесь никого не встречали, – сказал я, – мне казалось, что кроме нас никто сюда ночью не забредет.

– Раньше, несколько лет назад, я как-то ночью тут встречал язычников. Человек пять. Они на капище приходили, – Санек показал рукой в сторону спуска, – мы с ними поздоровались и дальше пошли. Но последние пару-тройку лет я их тут не видел. Капище совсем забросили.

Языческим капищем мы называли рощицу в лесу чуть ниже поляны. Когда-то неоязычники там выложили камнями круг, а в центре установили резной столб, изображавший некое божество из славянского фольклора – Перуна или Сварога. В позднесоветские годы, а затем и в девяностые, славянское неоязычество активно распространялось и пропагандировалось. Тогда многие неокрепшие умы в поисках оригинальных сакральных практик вдруг называли себя волхвами и обращались в родноверие. В поисках священных рощ и магических дубрав, в окружении леших и русалок, искатели утраченной идентичности из местных, подобно нам, облюбовали Сарматский лес, но, видимо, в какой-то момент переросли это увлечение и больше тут не появлялись. А может, сегодня кто-то из них и впрямь решил прийти на капище?

Обратно к даче мы пошли другим путем. Договорились изменить маршрут как раз для того, чтобы зайти на место языческих сборищ и посмотреть – есть ли там следы чьего-то недавнего пребывания.

– Язычники бы разожгли костер, – сказал Саня, – а костер мы с поляны не смогли б не увидеть. В темноте видно было бы зарево.

– Может, они где-то дальше сидели, в овраге, а не на опушке? – предположил я.

– Сейчас посмотрим.

Мы шли по поляне, теперь уже под утренним солнцем, которое в семь утра ощутимо припекало. Вся поляна преобразилась после ухода ночи не только внешне – запахи трав и цветов тоже изменились. Ночью они были сырыми и утонченными, а теперь на солнце стали гораздо более насыщенными, терпкими и глубокими. Проснувшиеся цветы раскрывались новому дню и выпускали в воздух какую-то сладкую пыльцу. Тут и там кружили трутни и шмели, мошки и бабочки, все они ожили на солнце и собирали эту пыльцу. Из глубины трав все громче трещали цикады. Трескотня, жужжание, гудение, стрекотание – все сливалось в единый деловитый гул, какого еще пару часов назад тут не было. Поляна буквально дышала, гудела, пела, цокотала, как множество разноходных хронометров в часовой лавке.

Утопая по пояс в травах, с мокрыми от росы берцами, мы спускались в самый низ поляны, пока не зашли под своды высоких дубов. Отсюда до капища оставалось метров пятьсот.

Саня шел первым. Бумер при нем. Мы – по следам. В этот раз шли молча, прислушивались. Не спешили и сами старались шагать тише. Но никого пока не встретили.

У капища Саня скинул лямки рюкзака и поставил его на землю. Размяв плечи, обошел круг из камней. Сам деревянный столб с вырезанным на нем бородатым ликом божества был с одного бока подпален. Кто-то его пытался поджечь, но дело почему-то не закончил. Впрочем, эта черная угольная полоса вдоль бревна была тут уже не один год.

– Ну, если тут кто-то и был, то мимоходом, – резюмировал Санек, – трава даже не помята. Костер не разводили тут уже давно, – он указал на некогда выжженное черно-серое пятно в центре круга.

– Значит, это был не язычник, – сказал Тимур, – может тут и помимо нас какие-то полуночники завелись?

– На кой они нам упали? – сказал Максим Иванович. – Нечего тут ходить по поляне. Пусть по парку гуляют.

От капища с идолом мы прошли к роднику, расположенному в нескольких метрах. Несколько камней обрамляли трубку, из которой, как из крана, непрерывно струилась чистая водичка. Такие родники прямо из земли пробивались в нескольких местах ниже поляны – все они питались дождевыми водами, которые просачивались в землю, проходили как через фильтр сквозь пески и пористые пласты ракушечника, и в итоге кристально очищались, попутно обогащаясь солью земли. Но этот родник кто-то приспособил для удобного сбора воды

– установил кусок трубы и выложил из камней подобие бювета. Мы выстроились в очередь к источнику ледяной родниковой воды. Когда я умыл лицо, всю усталость бессонной ночи как рукой сняло.

У родника мы пробыли не дольше пяти минут, возвращая бодрость и слушая птиц, что щебетали без умолку в высоких кронах над нашими головами. И в этот момент мы почувствовали, что вновь оказались не одни в лесу...

На сей раз Бумер не подвел. Молодой пес резко развернулся куда-то в сторону леса. Не стал лаять, а тихо, утробно зарычал. Следом обернулся Санек. Заметив его движение, мы с Тимуром, стоявшие к ним ближе всех, также посмотрели в направлении его взгляда. Где-то чуть ниже капища, где холм заканчивался и опадал к речке...

...на краю обрыва, между деревьями, кто-то стоял. Я опять почему-то не смог различить никаких примет – ни черт лица, ни одежды.

Только силуэт.

Похожий на того, что мы видели на рассвете внизу поляны.

Саня плавно, почти незаметно потянулся к ошейнику Бумера. Он чувствовал, что тот напряжился и готов броситься на незнакомца. Но овчарку было не удержать. Бумер рванул вперед...

– Бумер, ко мне!

Впустую.

– Ко мне! – еще раз крикнул Саня. Но уже напрасно.

Пес за несколько секунд преодолел разделявшее их расстояние. Только вот странного человека там уже через несколько секунд не оказалось. Он как будто сделал шаг в сторону, зашел за дерево и пропал из виду.

– Бумер! Мать твою! Стоять! – кричал Саня. – Ко мне!

Но Бумер, казалось, не слышал хозяина. Более того, его как будто и не смутило исчезновение незнакомца, к которому он кинулся. Пес по прямой траектории удалялся от нас и спустя считанные мгновения скрылся за земляным валом. Где был тот тип, никто из нас не видел и не знал. Возможно, спрыгнул куда-то в овраг – там был достаточно крутой земляной спуск – пришлось бы катиться вниз метров пять. Тем не менее, Бумер, если у него была такая цель, мог бы все равно легко его догнать. Молодая овчарка в самом расцвете сил даст фору любому, самому ловкому человеку.

Санек, после нескольких секунд ожидания, словно вышел из оцепенения и побежал следом. Домчался до края холма, осмотрелся по сторонам, глянул вниз, где под ногами открывался вид на продольный овраг. Опять крикнул:

– Бумер! Ко мне! Ко мне!

Но Бумера уже и след простыл. Не было слышно никаких, даже отдаленных звуков. И второй раз появившегося нам, подобно наваждению, странного человека тоже нигде не было. Не мог же он раствориться!

Позднее, когда я пытался восстановить в памяти те мгновения, я сам не мог вспомнить точно – куда он делся и как скрылся из виду? Просто пропал? Или, сделав шаг в сторону, спрятался за деревом? Но куда исчез потом? Чем больше я пытался вспоминать, тем сильнее мне казалось, что у меня вообще не сохранилось четкого воспоминания об этом эпизоде: как будто это уже мое воображение заполняло пробел различными вариантами, ни один из которых не был настоящим. А на самом деле, возможно, я на долю секунды отвел взгляд или моргнул, и в этот самый момент силуэт просто исчез.

Я знал, что это невозможно с точки зрения банальной физики, но в глубине души понимал, что так оно и было. Скажу наперед, это была только одна из первых, но далеко не последняя странность во всей этой истории. Наверное, многое из того, что происходило после, суще-

ственно перевесило эти первые, еще тонкие трещинки в бетонной, казавшейся незыблемой, стене привычной для нас реальности.

Максим Иванович и Леха с бензопилой наперевес догнали нас спустя несколько секунд. Мы все смотрели вниз на речку, шумевшую внизу. Вертели головами по сторонам. Прислушивались.

Но все тщетно.

– Надо идти. Я пойду прямо над рекой, параллельно оврагу, – сказал Санек, – этого мелкого поганца надо найти.

– Пойдемте всей толпой, – сказал Тимур, – только рассредоточимся. Будем держаться на расстоянии друг от друга. Может быть, он где-то в стороне будет пробегать? Чтобы охватить большую площадь.

– Давайте, – в глазах Санька помимо тревоги за Бумера я увидел решительность и даже азарт. Теперь наша утренняя усталость окончательно испарилась.

– Что это за тип? Вы его видели? – спросил Максим.

– Да, всего несколько секунд. Потом исчез.

– Я тоже. Хотя был дальше вас. Куда он исчез? Саня, ты видел?

– Нет, Максим Иванович. Да ладно, мы его разьясим, если всплывет снова...

– Это он же был? Тот, что и на поляне?

– Похоже...

– Ладно, пойдем, – сказал Тимур, – не будем терять время.

И мы пошли.

20

Шли вверх по течению реки мы примерно полчаса. Прислушиваясь к затихшему лесу, ловя каждый шорох, шаг за шагом мы приближались к дачам кооператива «Лесок».

Сарматский лес, как будто бы чувствуя наше напряжение, тоже притих. Все будто бы замерло: ветер совсем не колыхал кроны деревьев, птицы словно вымерли, даже ручей в овраге, вдоль которого мы шли, казалось, остановился, а вода перестала в нем шуметь. Вокруг стояла буквально кладбищенская тишина.

Первым, откуда-то справа от меня, крикнул Леха.

– Бумер! Саня, он тут!

Санек напролом через кусты и молодую поросль свернул на Лехин голос. Я тоже свернул за ним следом. Мы вышли к месту, где не так давно археологи раскапывали сарматские усыпальницы – прямоугольные склепы, сложенные из каменных плит.

Когда годом ранее я впервые увидел эти дольмены, то так заинтересовался, что нашел в интернете монографию наших историков и прочитал про эти захоронения: им было примерно две тысячи лет и, по мнению историков, они были уникальны в своем роде: в других местностях сарматы никогда не хоронили вождей или знатных воинов в склепах, а предпочитали насыпать погребальные курганы. Вероятно, наличие плит из ракушечника, который был мягок и легко поддавался шлифовке и обработке, заставило местных сарматов выбрать нехарактерную для них форму усыпальниц для предков.

Бумер обнаружился прямо на плите одного из склепов, который сохранился лучше остальных. Смотрел он на нас спокойно и безмятежно.

– Собака дикая, – недовольно пробурчал Саня, – опарыш лохматый, ко мне, Бумер!

Пес был спокоен и на многочисленные эпитеты хозяина, которыми тот щедро одаривал Бумера, казалось, реагировал как на заслуженную похвалу. Тон Санька, конечно, был при этом не агрессивным, как в случаях, когда тот действительно устраивал Бумеру взбучку за неповиновение: видимо, причиной тому была радость хозяина, что беглец нашелся и, возможно,

опасение, что тот, испугавшись, опять даст деру. Настоящая отцовская отповедь ждала нашего молодого немца чуть позже, когда тот оказался бы уже на поводке и без шанса на рывок.

21

Почти сразу я увидел, что в лапах у Бумера лежал какой-то необычный блестящий предмет. Это была металлическая пластина, согнутая в кольцо – размером как браслет на руку взрослого человека. Возможно, это и было украшением в виде браслета, вот только его цвет – местами бронзово-металлический, а местами зеленый от какого-то мха или лишайника – говорил о том, что украшение это много лет находилось возможно в земле, а может и на открытом воздухе. Как бы то ни было, время и окружающая среда его не пощадили, а потому наша находка нуждалась в чистке или даже реставрации.

Мы все обступили склеп, возвышавшийся примерно на метр над уровнем земли, стали полукругом и смотрели на Бумера. А тот был спокоен – как ни в чем не бывало. Словно он выполнил какое-то важное задание и теперь ждал дальнейших команд.

– Что это за штука? – спросил Максим Иванович, показав на браслет.

Санек плавно, чтобы вновь не спугнуть Бумера, приблизился и взял его за ошейник. Щелкнул карабин поводка, но в этот раз пес попыток к побегу не предпринял. Санек носком легонько толкнул необычную вещицу, которая легко откатилась в сторону, благодаря своей округлой форме. Издалека предмет мог сойти за проржавевшую и утерявшую дно желтую консервную банку. Но вблизи было видно, что это отнюдь не мусор.

– Похоже на старинный браслет, – сказал Леха.

– Металлический, – прокомментировал Санек, – но уже явно не новый.

– Золото скифов? – пошутил Тимур.

– Судя по тому, что мы на древнем сарматском кладбище, возможно, что и золото сарматов, – добавил я.

Санек аккуратно взял браслет двумя пальцами, покрутил перед глазами, внимательно изучая. Затем подул на него, будто бы сдувая многолетнюю пыль. Была ли эта пыль действительно многолетней? Или этот предмет просто кто-то выбросил или потерял тут пару месяцев, а может год назад? Тогда мы этого не знали наверняка. Затем Санек потер пальцами темные, покрытые каким-то нагаром или наростом места. Мне показалось, что из-под его рук вырвался светлый, золотой блеск.

– И впрямь, очень похоже на золото, – сказал он.

– Да ну, не может быть, – удивился Тимур, – наверное, бижутерия.

– Интересно, Бумер его выкопал где-то в другом месте и сюда приволок? – спросил Максим. – Или он уже лежал прямо тут, на склепе?

– Не знаю, Максим Иваныч, но очень похоже, что вещь в лесу уже давно. И если бы это был какой-то низкосортный сплав, то на ней была бы ржавчина, коррозия. А металл под слоем наростов чистый. Да и на вес – попробуй, какой тяжелый.

Санек передал Максиму браслет.

– Да, увесистый, – согласился тот, взвесив предмет на ладони.

– Ну а что? Могли бы археологи промучить такую находку? Когда склепы раскапывали?

– Я читал, что обнаружили впервые это захоронение наши краеведы в шестидесятых, а некоторые из них раскапывали в конце девяностых. К какому этапу раскопок этот склеп относится, трудно сказать.

– Ну вот: получается, могли не докопать до конца, а потом его какими-то водами подняло, земля же под дождями каждый год уплывает, рельеф изменяется. Так что Бумер мог его подобрать случайно. Мало ли, где-то в кустах блеснул? – попробовал реконструировать события Саня.

– Да ну, неужели золото? – все еще не мог поверить Тимур. – Дай сюда.

Пока Тимур вертел в руках и натирал браслет, я добавил:

– Теоретически шанс, что это действительно древняя штука, может и впрямь золотая, не так уж мал. В этих склепах и курганах, да и конкретно здесь – по всему нашему городищу – найдена масса скифских или сарматских украшений. Глиняные черепки от древней посуды мы же на поляне постоянно находим, значит есть вероятность найти и что-то более ценное, чем глина.

– А то, что они в земле должны быть, а не сверху лежать? – возразил мне Леха.

– Саня правильно сказал, – парировал я, – что тут грунт постоянно плывет, стекает в овраги. Что-то землей накрывает, а где-то древние захоронения или схроны сами оголяются.

– А пока этот браслет был под слоем песка или земли, никто его не нашел хотя бы потому, что у наших-то историков, которые тут копали, никакой аппаратуры, металлоискателей, например, не было, – добавил Саня.

– И правда, похоже на золото, – Тимур изучил находку и как эксперт подтвердил, – но наверняка поверю, только когда подтвердит ювелир. И это не просто браслет, тут под копотью какие-то рисунки или знаки. Прямо выпуклые.

Он протянул вещицу мне, стоявшему следом по кругу. В момент касания меня ударила искра статического разряда, что я аж вскрикнул. Тимур тоже ощутил импульс и отшатнулся:

– Ничего себе, ты током бьешься!

Щелчок, кажется, услышали все до единого. Даже Бумер удивленно наклонил голову. Только электризованным был не я – энергия исходила от самого браслета. Она теплой волной проникла в меня через пальцы и руку, а затем прошла выше. На миг мне даже показалось, что в глазах у меня потемнело, но то было лишь секундное, мимолетное ощущение, которое могло быть вызвано и усталостью после бессонной ночи.

Металлический, отливавший золотым блеском, предмет был действительно тяжелым. Сразу меня посетила мысль, что этот браслет, пусть и покрытый патиной и черным нагаром, безупречен. Не знаю, почему я так подумал. Тому не было рациональных объяснений, скорее лишь ощущение...

...форма, симметрия, гладкость сторон, пропорция веса и размера...

...все было безупречно. Необычайно гармонично.

Я обратил внимание, что в местах, где Тимур успел стереть с выступов и выпуклостей напыление времени, действительно виднелись значки, похожие на старинную клинопись, а также какие-то фигурки.

Браслет представлял собой скругленную пластину шириной примерно в четыре-пять сантиметров. Формой он был схож с манжетой рубашки, только без пуговицы. Там, где концы «манжеты» сходились друг с другом, они были аккуратно скругленными. Нигде на нем я не заметил ни глубоких царапин, ни вмятин, ни прочих повреждений.

Следующей мыслью было желание примерить браслет на свое запястье: по размеру, думаю, он бы мне подошел. Но сразу же какой-то внутренний голос предостерег меня от того, чтобы надевать эту вещь на руку. Быть может, то был подсознательный суеверный страх?

Позже я понял: более чем страх, я почувствовал неуместность такой примерки: было не время и не место надевать этот браслет, ведь мы даже не знали, что это за предмет. Мало ли, кому эта вещь принадлежала раньше?

Быть может, сарматский вождь надевал ее на руку перед битвой? И ему вместе с браслетом эту руку отрубили в бою? А может, хазарский каган иудейского исповедания носил ее и миловал дланью своей магометан, которые прибыли с проповедью из далеких пустынь арабского Халифата? А может, и вовсе – колдун или шаман, приносивший человеческие жертвы, использовал его как магический артефакт? Словом, просто так взять и примерить что-то, что

могло оказаться в итоге черт знает чем, было также неуместно, как попытка известной обезьяны из басни Крылова примерить очки.

Но в следующий миг я забыл обо всех своих рассуждениях. У меня возникло новое странное ощущение, что кто-то за мной наблюдает. Но не буквально следит снаружи, а смотрит будто бы изнутри. Что кто-то может сейчас слышать мои мысли, понимать мое состояние, даже заглянуть в мою память. И все про меня понять.

Скорее всего мой мозг, утомленный долгим отсутствием сна и возбужденный неожиданными событиями этого утра, работал в каком-то странном режиме. Наверное, поэтому мне и казалось, что кто-то, знающий гораздо больше не только про браслет, но даже про меня самого, наблюдает за мной в тот момент.

Чего не бывает от недосыпания...

– Игорек, ты чего завис? – это был голос Тимура, но откуда-то издалека.

– Что? – мой взгляд отвлекся от браслета. Я ментально вернулся в Сарматский лес из своих глубин, где рассуждал о неуместности примерки этой вещи.

– Уснул ты, что ли? – Тимур потянулся за браслетом. Я с некоторой неохотой, но все же вернул ему древнее украшение. И сразу почувствовал возвращение привычной легкости. Мысли вновь потекли своим чередом.

– Короче, – сказал Санек, – это явно какая-то ценная штука. Давайте потом, на свежую голову решим, что с ней делать. А пока предлагаю выдвигаться на дачу, солнце уже высоко. Я бы сейчас рухнул прямо тут, но надо еще по делам в город ехать.

Я посмотрел на часы. Шел уже десятый час.

– Пойдемте.

Санек взял браслет у Тимура и спрятал в рюкзак. Мы еще раз осмотрелись по сторонам, проверили, все ли взяли с собой, после чего пошли по лесной тропе в сторону кооператива «Лесок». Переправившись через речку, мы вскоре вышли к дачному поселку.

Бумер в этот раз шел до самой дачи на поводке.

Глава 2. Трое

1

После того похода в Сарматский лес и необычной находки все и закрутилось. Наступила осень. Как-то уж очень резко похолодало.

На моей памяти такое бывало не часто, но все же случалось. Когда день в день, лишь только сменяется время года, погода тоже вдруг резко меняется под стать календарю. Как будто кто-то в небесной канцелярии ждет календарного начала времени года и, дождавшись, мгновенно ниспосылает нам на голову дождь, ветер, снег, а в начале лета или весны, напротив, — долгожданную оттепель и солнечные дни.

Так было и первого сентября 2011 года.

Еще с ночи по крышам забарабанил холодный косой дождь. Стало ветрено, зябко и промозгло. Не остывшая память о вчерашнем летнем зное подсказывала, что это, возможно, кратковременный каприз природы, какое-то дуновение, что через день-другой улетит, и тогда вновь солнце раскалит асфальт улиц и площадей...

Но в тот раз похолодание пришло к нам надолго.

Можно сказать, что по-настоящему летние дни в ту осень так и не вернулись в наш город. Да и не только столбики термометров упали до осенних значений: стало вдруг очевидно, что каштаны уже вовсю облетают, а улицы усыпаны желтыми листьями теплолюбивых акаций. Трава пожухла, цветы на клумбах как-то быстро завяли и усохли.

Холодно и сыро стало даже в квартирах, где еще не запустили батареи.

Осень принесла для меня новый учебный год, к тому же улицы, как водится, встали в пробках: у многих закончились отпуска, улицы наводнили студенты, вернувшиеся с каникул.

Вероятно, в связи с похолоданием на месяц раньше обычного город накрыли густые осенние туманы. Молоко низкой облачности сделало силуэты серыми и размытыми, дома и деревья потонули в общей мокрой гуще. Говоря по-тургеневски и метафорически, ладно бы, если туман присутствовал вокруг нас только как природное явление — а ведь у многих, как оказалось в ту осень, туман сгустился в головах, замедляя голоса и звуки, и размывая привычную действительность.

2

Владимир Николаевич Васильков еще в мою бытность студентом преподавал историю государства и права. Он был историком и в свое время много лет раскапывал Сарматское городище. Собственно, благодаря сарматам, он обзавелся одной ученой степенью (кандидата наук) и двумя грыжами. Доложу вам: колоритный был персонаж. Называл он нас не иначе, как «господа скубенты», а в свободное от занятий время часто дымил трубкой, точно Шерлок Холмс.

К нему я обратился через пару дней после того, как мы нашли в Сарматском лесу необычную и, вероятно, древнюю вещь. Я, конечно, не сообщил ему прямо про сам браслет. Просто хотел расспросить, разведать что-то о ценностях, которые историки ранее находили при раскопках в наших лесах.

Когда я заглянул на кафедру истории государства и права, Васильков пил кофий с двумя лаборантками, которым рассказывал очередную байку. Васильков, которому тогда было немного за пятьдесят, студенткам, подрабатывавшим на кафедре, представлялся весьма себе самостоятельным музейным экспонатом. Ему же, судя по всему, казалось, что он напротив вполне еще вхож в их компанию. На столе лежала его трубка, а сам он, в костюме тройке и с

эксцентричной бабочкой что-то вещал о пользе водных ордалий в системе вавилонского правосудия.

– Сударь, безусловно, Сарматское городище есть кладезь ценнейших скифских и сарматских сокровищ! – говорил мне Владимир Николаевич.

– Вы имеете в виду не только сокровища исторические, но и буквально драгоценные вещи? – уточнял я. – Золото и серебро, какие-то древние украшения?

– Именно, именно! Ах, если бы знали вы, как мог бы я разбогатеть, если бы был черным копателем и не сдавал некоторые находки в музейный фонд... Но тогда, в восьмидесятых, за тем следили строго, да и мы были ведь совсем бескорыстны, – здесь он сложил пальцы в известный жест, обозначающий решетку. – Нами, молодыми, двигала страсть к прошлому, к науке и истории! Наши находки становились тогда самыми громкими открытиями в мировой археологии. Сарматское городище, когда его нашли и оценили культурный срез, поверьте, стало сенсацией, подобно египетским пирамидам или погребенным фундаментам Вавилона.

Я с искренним вниманием и, поверьте, действительным интересом воспринимал рассказ Василькова. Теперь я сам, возможно, был причастен к подобной находке, да и при всем пафосе, слова Владимира Николаевича не казались мне преувеличением, чего нельзя было сказать об улыбочивых лаборантках, привыкших к художественной гиперболизации в речах экстравагантного доцента.

– Дело в том, мой друг, – продолжал Васильков, – что наше Сарматское городище – нечто новое в этом ряду раскрытия тайн древнего мира. Египет, Месопотамия, Финикия, Древняя Греция и Рим оставили множество археологических пластов, так как города там строились из камня. К тому же, культуры там сменяли одна другую, трансформировались, но сохраняли преемственность. А вот степные кочевники Евразии оставили следов гораздо меньше. Многие из них погибали стремительно. А их поселения тут в силу другого климата и природы в основном сооружались из дерева – спустя пару столетий от такого поселения следов не оставалось совсем, разве только осколки посуды, да захоронения в курганах. И вот, представьте, здесь, в Сарматском городище, эти древние степняки находят плиты из известняка-ракушечника – довольно мягкого камня. Из них они создают склепы, закладывают фундаменты домов и святилищ, укрепляют защитные валы и стены цитадели, и даже строят башни! Башни, с которых дозорные ведут наблюдение за округой и предупреждают о приближении врагов. И все эти находки – гораздо древнее, чем тысячелетние Дербент, Киев или Булгар! Им не менее двух тысяч лет, а если мы говорим о скифах, то почти трех тысяч. То есть наш древний город – ровесник уже не европейской или среднеазиатской цивилизаций, а ближневосточной: вавилонской и ветхозаветной.

По моим воспоминаниям о лекциях Василькова, говорить он мог долго и с упоением. Он и рассказал мне еще много чего интересного. Как находили они какие-то серебряные монеты, золотую подвеску неизвестной царицы, бронзовые кинжалы и другие орудия степняков-наездников. Но в целом, как я понял, чего-то подобного нашей находке, не было и близко. Ничего из описанного Владимиром Николаевичем, что, кстати, было выставлено в некоторых наших музеях, не шло ни в какое сравнение с браслетом, откопанным Бумером. Оставалось лишь узнать, является ли наш артефакт действительно древним. Что, если эта вещь – украшение уже нашей эпохи, утерянное кем-то в лесу и пролежавшее там не так долго? Но сразу предавать находку огласке и отдавать историкам почему-то не хотелось. У всех нас было желание разобраться во всем самим, а уж потом решать: что делать дальше.

Когда я вернулся на свою кафедру, то встретился с нашим заведующим – Степаном Георгиевичем Птицеловским. В свои тридцать пять он уже защитил докторскую по уголовному

праву и недавно был назначен руководить кафедрой. Он спросил, есть ли у меня завтра занятия.

– С утра – вторая пара, – ответил я.

– Отлично. После пары не уходи. В два часа пойдем в большой аудиториум в главном корпусе – ректор собирает всех на какое-то важное заседание. Всем свободным от занятий преподавателям обязательно присутствовать! Не забудь.

– Понял, – кивнул я. – Что на этот раз?

– Будет какой-то важный гость. Сам не знаю, – пожал плечами Степан Георгиевич, – может, депутат какой, а может, шишка из минобра... Да и какая разница? Наше дело – прийти.

– Действительно.

Мы попрощались до завтра.

Уже в спину мне Птицеловский еще раз крикнул:

– Не забудь!

4

Я уже упоминал, что в тот год Тимур, а следом и мы с Максимом, стали ходить в спортзал: трижды в неделю мы качали отдельные группы мышц, придерживаясь продуманной программы упражнений. Для закрепления успехов и роста мышечной массы приходилось налегать на белковую пищу: творог, сметану, рыбу, белое мясо. В оправдание Максима Ивановича нужно сказать, что поначалу я затащил его в это все против воли. Меня, в свою очередь, затащил Тимур, который вообще, как сумасшедший, в последнее время стал не только ходить в качалку, но и бегать. Про него стоит сказать отдельно.

Когда я говорю бегать, я не имею в виду тот бег трусцой, которым занимаются обычные люди для поддержания спортивной формы. Тимур бегал вокруг центрального пруда, единственного заметного водоема в нашем городе, со скоростью, вдвое превышающей разумную общепринятую скорость спортивного бега. С марта по октябрь он нарезал круги с голым торсом и выглядел при этом как боец спецназа, готовящийся при необходимости догнать и голыми руками задушить Рокки Бальбоа, в свою очередь бегавшего в американском кино. К концу лета (бегавший к тому же в самый зной и под солнцем) и без того смуглый Тимур превращался в совершенного мулата, темно-коричневый шоколадный торс которого проносился мимо гуляющих девушек и заставлял их почему-то оборачиваться и смотреть ему вслед. Впрочем, не подолгу. Потому как бегал он быстро и вскоре скрывался за поворотом.

Как правило, он пробегал в таком темпе примерно пятнадцать километров. Не Форрест Гамп, конечно, но тоже немало!

Куда бежал Тимур так быстро и подолгу, а главное – зачем, нам еще не было понятно, но мы уже с тревогой ощущали, что теряем его как участника коллектива, потому как под предлогом занятий он отказался от вечернего пива и более крепких напитков на даче. Единственное, от чего он не отказался, так это от мяса и сна. Когда мы отправлялись в лес и жарили шашлыки, либо варили походную кашу в котелке, Тимур, наевшись, ложился спать в самый разгар ночи. Он отлынивал от сбора дров для костра, говоря, что это выше его сил, так как он сегодня уже пробежал десять кругов, а потом еще ходил в зал и качал спину. Он мог за три минуты съесть связку бананов, после чего мгновенно уснуть под дубом, оглашая окрестные поляны и чащобы леса заслуженным храпом. Позднее он и на дачу стал ездить через раз: поездки, мол, не вписываются в его тренировочный режим.

Объяснения такие нам, конечно, казались абсурдными и необоснованными. В ту печоринскую пору мы не были женаты, а потому могли позволить себе жить размеренно и чинно. К тому же Тимур все лето нигде не работал. То есть каждый день он просыпался для того,

чтобы правильно питаться, бегать и ходить в качалку. И при этом все больше отрывался от коллектива, что, как известно, решительно осуждалось даже на фольклорно-тостовом уровне.

Возможно, отсутствие рабочего распорядка заставляло его так трепетно относиться к своему режиму: спорт ограждал его от хаоса и беспорядка, в которые грозила скатиться его молодая жизнь, расслабься он и перейди с пива на вино, а там и на коньяки или настойки.

И вот, когда мы были близки к потере Тимура из нашего добродетельного круга лесных бродяг, случилось нечто странное. Максим Иванович некоторое время пребывал на море с очередной своей страстью, а я, от нечего делать, за компанию, сходил с Тимуром в спортзал. Он просто хотел мне, человеку, не отягощенному мускульной массой, показать прелесть своего досуга и подъема разных тяжестей с таким расчетом, чтобы это каждый раз заставляло мышцу умереть, но потом через боль и протеин воскреснуть.

Я заинтересовался и купил абонемент. Пока лишь на месяц. В конце концов, заниматься за компанию, постоянно подшучивая друг над другом, ассистируя в упражнениях, было не таким уж скучным делом – пробуждало азарт и затягивало.

Спустя неделю Максим Иванович вернулся с морей (из Геленджика, или откуда-то еще) и обнаружил, что я присоединился к Тимуру. По вечерам после тренировок мы могли подолгу обсуждать разновидности протеинов и программы для прокачки отдельных мышц. Сначала Макс смотрел на это без особого интереса и показывал всем своим видом, насколько ему это скучно. На самом деле его это раздражало, быть может, даже бесило.

– Неужели кроме ваших протеиновых коктейлей и поговорить больше не о чем? – спрашивал Максим Иванович. Но гравитационные поля тем летом сместились безвозвратно, и чаша весов стала клониться к новому коллективному увлечению. Куриные белки незаметно вытесняли из рациона пивные углеводы.

Первые пару месяцев мы занимались в подвале сельхозинститута, переименованного тогда уже в академию, а может даже в университет. Зал там был недорогим, но вечно переполненным – особенно с началом учебного года. Потому, не дожидаясь нашествия студентов, мы перешли в другой – тот был хоть и подороже, но нам не приходилось выстаивать очередь к штанге перед каждым подходом.

Согласно моде, он именовался фитнес-центром. Назывался он «Блэк фокс», или по-русски – Черный лис. Мне это название почему-то навевало ассоциации с какой-то колонией, причем колонией особого режима, где содержались лишь смертники в одиночных камерах, ожидавшие неизбежной экзекуции. Черный лис мог бы стать в один ряд с Черным дельфином, Белым медведем или Полярной совой. Зал открылся совсем недавно и располагался в новом здании с панорамными окнами, источал запах свеженького ремонта. Даже тренажеры в нем были новые, только распакованные. В отличие от старой качалки в сельхозинституте, сидushки на них были не потрескавшиеся, краска не облупилась. Если тот зал выглядел как в фильмах про грязных байкеров из пропахших потом подвалов-качалок, то в «Блэк фоксе» ты чувствовал себя героем фильма про нью-йоркских яппи, которые после важных дел на Уолл-Стрит или партии в гольф-клубе шли в фитнес, дабы там, потягивая смузи через трубочку, обсуждать знакомых девушек.

Максим Иванович, попавший нашу орбиту высокопротеинового питания и туго затянутых кожаных поясов (оберегающих позвоночник от травм и грыж, возможных при выполнении становой тяги) также приобрел себе абонемент в Черный лис, и мы уже втроем стали ходить туда по вечерам после работы. В дни, свободные от тренировок, мы с Максом добегали через лес на центральный пруд, но пробежать могли два-три круга, да и то со скоростью, далекой от тимуровой. Затем выдыхались и шли на турники. Тимур же продолжал заниматься в течение дня по собственной программе, до которой нам было как до луны.

Впрочем, изменения в режиме нашей молодой и холостяцкой жизни не отменяли главного. По выходным мы ехали на дачу, которая была для нас всех особым местом. Местом силы,

если так можно сказать. И не только для нас, а возможно и для многих других. Сарматский лес, думаю, был местом силы для всего нашего города, просто немногие жители об этом догадывались.

5

Вечером того же дня, когда я заходил к Василькову, мы с Максимом и Тимуром встретились в «Блэк фоксе». Как я уже упоминал, погоды стояли не по-сентябрьски холодные, особенно непривычные в такой сезон для нашего южного города. Стоило на несколько минут открыть форточку, как сразу же с улицы задувал студёный сквозняк. Чтобы не замерзнуть в паузах между подходами, мы вынуждены были постоянно двигаться и разминаться.

– По прогнозу скорого потепления ждать не стоит, – сообщил Максим Иванович. – Я сегодня надел осеннюю куртку и захватил с собой шапку. Вечером температура опустится до пяти градусов.

– Пора утепляться, – согласился я.

– Но мы же все равно после тренировки поедим курочку? – спросил Тимур.

– Конечно, – кивнул Максим, – сегодня еще и за Саней заедем. Он мне сам звонил, спрашивал – когда освободимся.

– Отлично, – приободрился Тимур, – сегодня я намерен съесть целую грудку. И ничто меня не способно остановить!

Речь шла о курах, приготовленных на гриле. Не так давно рядом с Туполевским рынком мы обнаружили неприметное кафе, в котором всегда можно было купить целую жареную курицу прямо с вертела, да с горячим лавашем и соусом на закуску. Теперь едва ли не каждый раз после тренировки, если погода позволяла, мы покупали гриль и ехали куда-то за город – прокатиться, а заодно и поужинать.

6

Все мы жили на улице Платановой, а Саня, Максим и Тимур вообще в одном доме под номером сорок девять. Собственно, с раннего детства из этого соседства и началась их дружба. Наш район, относившийся к центральной части города, уже в послевоенные годы был застроен кирпичными пятиэтажками, сменившими старые одноэтажные домишки. Целый квартал выше Платановой местные жители неожиданно окрестили Бундесвером – а все потому, что квартиры в нем в свое время получали отставные военнослужащие, в том числе возвращавшиеся из Восточной Германии. Необычное название со временем закрепилось и стало одним из неофициальных городских топонимов.

Мой дом располагался на квартал дальше по Платановой, и потому был за пределами Бундесвера. Если мои друзья жили в сорок девятом, то я – в девяносто четвертом. Примечательно, что наши номера зеркально отражали друг друга. Также примечательным был тот факт, что на улице Платановой, несмотря на ее название, не росло ни одного платана. Все больше березы, тополя и вязы. Кроме этого, пожалуй, наша улица ничем не была примечательна.

Когда после тренировки я заехал во двор сорок девятого дома, Саня уже курил на скамейке перед подъездом. Леха в ту пору работал инженером на местном заводе электроники и обычно приходил с работы позже нас, да и присоединялся он по вечерам к нам не так часто. Потому вчетвером мы, можно сказать, уже собрали необходимый кворум, чтобы обсудить историю с нашей недавней находкой и решить, что делать дальше.

7

Вокруг нашего города помимо Сарматского леса было много других красивых и живописных мест. С возвышенностей открывались панорамы степных просторов. Лесистые холмы сменялись низинами и озерами.

Как только в течение нескольких лет после окончания учебы у каждого из нас появились свои машины, возможности для путешествий стали совсем другими. Теперь летними или зимними вечерами, освобождаясь от своих дел, мы не только гуляли в городских кварталах или скверах, что были в пешей доступности, но и катались по извилистым окрестным дорогам, пыльным проселкам, а иногда просто останавливались где-то в поле, на пологом холме, отдыхая от городской суеты и слушая природу.

В тот вечер, купив на четверых две курицы-гриль, мы довольно быстро покинули городские кварталы. Через пригородную промзону, а затем через большой лесной массив, мы двигались по трассе, ведущей к старой станции Волчьей. Когда-то, примерно в те же годы, когда был заложен наш город, станция Волчья была основана терскими казаками, активно осваивавшими эти дикие, но щедрые земли. Сегодня, конечно, от былых казаков сохранились в основном лишь названия улиц, а современные станичники – наследники не столько казаков, сколько советских колхозников – либо жили фермерским хозяйством, либо ездили на работу в город.

Не доехав до станции, я свернул с трассы на проселочную колею и неспешно, объезжая лужицы и торчавшие из земли камни, повел машину к малоприметной возвышенности. С одной стороны она была скрыта лесом, и с трассы нас бы никто не заметил. А с другой – начинался пологий спуск прямо к Волчьей. В туманную ночь вместо станции мы видели лишь сгусток света, исходивший от уличных фонарей и растворявшийся где-то в темно-фиолетовом небе. Во влажном воздухе осени не только видимость, но и звуки казались необычными: они были гулкими, замедленными и потусторонними. То и дело до нашего слуха доносились далекие перебранки станичных собак, рокотававшие мотоциклы или грузовички. Впрочем, эти отголоски были слышны все реже: к десяти часам вечера Волчья уже засыпала.

Мы же в этот час только приступили к трапезе. Разложив еду прямо в багажнике, мы методично и с отменным аппетитом употребили по половине цыпленка с лавашем. Лишь после этого можно было обсуждать какие-то серьезные дела. Не на пустой же желудок!

– Ну что, рассказывай, чего нового узнал, – Максим наконец обратился к Саньку с вопросом, к которому мы все как-то не решались перейти, будто бы ждали особого момента.

– Да что сказать, Максим Иванович, очень похоже, что наш браслет действительно из золота, – начал Саня свой рассказ, – есть два старых дедовских способа, как отличить чистое золото от сплава или похожего металла, и оба из них показывают, что это золото еще и чистое, без особых примесей.

– Какие способы? – оживился Тимур, употребивший грудку и имевший теперь весьма довольный вид.

– Ну, во-первых – магнит. Как известно, золото не притягивается к магниту. На даче у меня есть мощный магнит, но эта штука совсем не притягивает. Конечно, медь или серебро тоже не магнитятся, потому этот способ не дает стопроцентной гарантии. Но это точно не медь.

– Почему? – спросил я, добросовестно забывший практически все, чему учили нас в школе на уроках химии.

– Во-первых, медь вдвое легче золота. А этот браслет, сами помните, весьма тяжелый. К тому же медь вступает в реакцию с аммиаком, образуя синий раствор, а золото – никак не реагирует.

– Саня, а где ты взял аммиак? – спросил Максим.

– Как где? – удивился Санек. – Нашатырный спирт – его можно купить в любой аптеке – содержит десять процентов аммиака. Этого достаточно для проверки. Я его чистил, кстати, как раз нашатырем, и еще уксусом – это еще один способ. Если капнуть немного уксуса на какой-то участок украшения и оставить на пять минут, то с настоящим золотом ничего не случится,

его поверхность останется гладкой и без изменений. Если бы место потемнело, изменило цвет или на нем появилось пятно, тогда это был бы признак подделки или высокого содержания других металлов. Так что снаружи это точно золото. Я бы дал девяносто девять процентов. А судя по весу, да и просто по ощущению, весь браслет – золотой. Цельнолитой.

– Интересно, действительно ли он древний? – задумчиво сказал я. – Помимо ценности материала есть же историческая ценность изделия.

– Не знаю, тут я тоже не уверен. Но если он старинный, то качество изготовления просто фантастическое. Он идеально ровный, гладкий, пропорциональный и совсем без шероховатостей.

– А может, уже в относительно недавнем прошлом кто-то прятал в лесу клад? – предположил Максим. – Например, в гражданскую войну, в годы раскулачивания... кто-то же мог устроить схрон в лесу, чтобы там сохранить ценности? Кто-то из города, или из любого соседнего села? А потом, если с хозяином клада и всеми близкими, кто мог о нем знать, что-то случилось, он так и остался лежать в лесу. Теперь дожди размыли землю, вот Бумер где-то под кустами этот браслет и нашел.

– Вполне правдоподобно, – согласился Тимур.

Я тоже согласился. Версия Максима Ивановича – что кладу, возможно, не две тысячи лет, а нет еще и ста – казалась вполне достоверной. Хотя бы исходя из качества и филигранности ювелирной работы. Размышляя в последние дни о нашей находке, я хоть и допускал такую вероятность, но не брал в расчет, считая ничтожной. Почему-то я сразу себя уверил, что браслет, найденный на месте допотопных захоронений, обязан быть кладом из сарматской древности, а быть может из скифского золота! Но желаемое не обязано было оказаться действительным – все, возможно, было гораздо проще и прозаичнее, как и предположил Максим.

Предположим, кто-то из дворян или купцов в годы гражданской войны спасал так от белогвардейцев или большевиков свои семейные реликвии в надежде потом их забрать и, может быть, даже переправиться с ними за рубеж. А может, какие-то революционеры из городской бедноты, экспроприировав ценности, решили их не жертвовать молодой советской республике, а припрятать до лучших времен, которые, впрочем, для них так и не наступили. Может даже от гитлеровцев в годы немецкой оккупации кто-то прятался в лесу и так же мог сюда принести какие-то свои ценности.

– Да, Максим Иваныч, – нарушил повисшую ненадолго тишину Санек, – возможно, ты и прав. Но вещь-то непростая. Почему-то мне кажется, что она может быть и древнее. Я даже не скажу тебе почему, просто так кажется, когда смотришь на нее. Можешь считать это интуицией. И звучит странно, но когда берешь ее в руки...

Санек не договорил, потому что какой-то автомобиль в этот момент свернул с трассы и съехал на проселочную дорогу, где мы стояли. Лучи дальнего света фар пробились через туманный воздух и выхватили нас, стоявших у раскрытого багажника. Мы все обернулись и с любопытством смотрели, поедет ли нарушитель спокойствия в нашу сторону.

Впрочем, ждали мы недолго. Через несколько секунд переключилась передача, автомобиль попятился назад и развернулся. После он вновь выехал на трассу и стал удаляться в сторону города. Скорее всего, съезд был использован для разворота. Думаю, что в густом тумане водитель не видел ни мою машину, ни нас четверых, стоявших у открытого багажника.

– Интересно, а какие-то специалисты по ювелирке могли бы определить примерный возраст? Или только состав и качество золота скажут? – сказал задумчиво Тимур.

– Трудно сказать, но если кому-то показывать, то надо быть осторожными, чтобы не распространялись слухи.

– Да, тут нужно найти проверенного человека, – кивнул Тимур. – Интересно, сколько он может весить?

– Я уже взвесил, – сказал Санек, – сто двадцать пять грамм.

Максим присвистнул.

Тимур издал какой-то гортанный звук, похожий на крик совы:

– Если все сто двадцать пять окажется золотом... Это ж...

– Да, – Саня закурил, – это солидный куш.

Я подумал, что тоже мог бы сейчас затянуться сигаретой, глубокомысленно взглянуть вдаль. Но, по счастью, я избавился от этой пагубной привычки уже как пять лет, и с тех пор меня ни разу не тянуло к ней возвращаться. А вот Максим, который курил крайне редко, все же попросил у Санька сигарету, зажег, выпустил дым:

– Только вот реализовать его будет непросто. Или продать на черном рынке за полцены, или официально сообщить о находке, и тогда получить четверть. Столько полагается за находку клада? Или разрезать на части и небольшими кусками продавать. Грамм по пять. Но мы же не знаем его исторической ценности. Она может оказаться гораздо выше, чем цена самого по себе золота.

– У меня не поднимется рука его пилить, – сказал Саня. – Я еще не все рассказал вам.

– Что еще?

– Он не просто гладкий, на нем еще есть рисунки и надписи.

– Да, мы видели, – подтвердил Тимур.

– Не знаю, на каком языке. Да и рисунки непростые, – сказал Санек, – там в два ряда выпуклые квадратики, и в каждом из них какие-то фигурки, животные, или, например, горы и деревья. Там целая головоломка для историков. Хотя, конечно, будет смешно, если окажется, что все это стилизация и новодел. Ну, знаешь, похоже на древнеегипетские рисунки, но не совсем такие же.

– Может и впрямь скифское золото? – предположил Максим.

Мне в тот момент захотелось увидеть эти картинки, и я задумался, почему Санек не взял браслет с собой? Похожие мысли, возможно, посетили и Тимура:

– А он у тебя сейчас на даче? Или в квартире на Платановой?

– Да, я не брал его с собой, на даче решил оставить.

– Бумер его не сожрет там?

– Не думаю, – улыбнулся Саня, – я его спрятал надежно.

– Бумера? – спросил Тимур и сам первым засмеялся своей шутке.

– Этот лохмач свой тухес в будке греет.

Максим тем временем обратился ко мне:

– А ты, Игорек, что-то узнавал про раскопки у историков?

– Я сегодня как раз заходил к Василькову...

– Николаич, – ностальгически улыбнулся Максим, – он вспомнил наш первый курс, лекции Василькова по истории государства и права зарубежных стран, – как он поживает?

– Неплохо. Из разговора с ним я понял, что таких ценных находок у них не бывало за все время раскопок. Если что-то и было золотое, то совсем небольшие украшения или монетки. И если этот браслет все же окажется древним, а не относительно новым артефактом, для наших археологов это будет открытие века. А может, даже тысячелетия.

– Не-не, погодите. Сначала мы сами во всем разберемся, наука подождет! – заявил Тимур. – Кстати, неплохо бы получше изучить и то место, где Бумер его откопал. Может быть, еще что найдем?

– Да я и не предлагаю отдавать браслет историкам, – успокоил я Тимура, – опять же, как бы анекдота какого не вышло.

Саня докурил и подвел итог:

– Давайте так: в пятницу вечером, как освободимся, еще раз все собираемся вместе – непосредственно этот браслет изучим, а может шифр какой подберем к письмам?

– Да, узнать бы хоть, что там за надписи. Хотя бы на каком языке, какого народа? Уже будет ясно, где искать, – добавил я.

В итоге мы условились по окончании рабочей недели, в ближайшую же пятницу, собраться на даче и продолжить этот разговор.

8

В те дни я чувствовал себя едва ли не героем, попавшим на страницы какого-то мистического детектива, быть может Роберта Льюиса Стивенсона, Вашингтона Ирвинга, Брэма Стокера или даже Стивена Кинга. Это было время, когда в моду вновь вошли истории о находках мистических артефактов, поисках Грааля и прочей эзотерической мути. Только вот в отличие от беллетристического романа, все происходило непосредственно со мной и моими друзьями на самом деле. Речь шла о настоящей находке и связанной с нею тайне. При этом, меня не оставляло чувство, что за событиями я наблюдал не как участник, а как сторонний зритель. Многие события, происходившие как с нами, так и вокруг, не вовлекали нас в самый эпицентр, а развивались подобно сюжету сериала, продолжение которого мы наблюдали изо дня в день.

Когда-то я читал, что психологи объясняли подобный феномен мышления неординарными происшествиями, нарушающими привычный уклад жизни. Мол, если человек становится участником каких-то чрезвычайных или необъяснимых событий, он может воспринимать их именно как сторонний наблюдатель, даже субъективное время для него может замедляться или ускоряться – это служит защитным механизмом психики и является ответом организма на стресс, испуг или иные эмоции.

9

Ночью я спал плохо.

После тренировки и загородной прогулки я переступил порог своей квартиры уже за полночь. Лег не сразу, а только в третьем часу ночи, да и то лишь потому, что утром надо было ехать в университет. Желания спать не было и сон долго не приходил: я все размышлял, искал в сети какие-то сведения о местных раскопках, находках археологов, рассматривал фотографии золотых украшений скифов и сарматских кладов.

Уже лежа в кровати все не мог уснуть, ворочался, вставал, выходил на лоджию, опять ложился. Улица Платановая была тускло освещена желтоватыми фонарями. Поднявшийся ветер качал деревья, гудел в вентиляции, постукивал оконными отливами. Он разогнал к чертям весь туман и очистил небо. Лиловые облака теперь быстро летели над домами, а в их разрывах проглядывал диск луны.

Ближе к рассвету я наконец-то задремал, и мне приснился сон: яркий, правдоподобный, до мельчайшей детали запомнившийся после пробуждения.

10

Во сне я стоял на нашей поляне, над спуском к цитадели – в том же месте, где недавно встречал рассвет с Максимом и Саньком. В самой цитадели, как я видел, горит много огней. Не фонарей, а именно огней – как будто бы костров или факелов.

Через поляну булыжниками вымощена была широкая каменная дорога.

Обернувшись, я увидел башню. Довольно высокую, с довершением, похожим на скворечник. Подумалось, что строят теперь на поляне не только новые многоэтажные дома, но даже многоэтажные башни. Нет совести у чиновников и застройщиков, о заповедном месте никто не думает. Но эта мысль мгновенно пролетела и растворилась. А следом в памяти возник доцент

Васильков, который продолжил тему: египтяне строили свои широкие пирамиды, потому что у них там пустыня, им можно. А в наших-то широтах только башни и можно строить, чтобы меньше площади занимать. Тут же его пояснение, не только своевременное, но и, безусловно, логичное, все поставило на свои места. Это же сарматские башни, а раз и лес Сарматский, то такие башни в нем дозволены к строительству и не подлежат осуждению.

Но зачем же я терял время на досужие размышления о башнях?

Ведь меня ждало срочное дело: я вспомнил, что нужно спешить в цитадель, меня там, наверное, уже заждались.

В следующий миг очень кстати выяснилось, что я сижу верхом на своем быстром коне. Отчего бы и не поспешить.

Я прищпорил Абрага, так звали коня. Он сорвался с места, и в ушах моих засвистел ночной ветер. За минуту быстрый скакун доставил меня к воротам цитадели, где меня уже ждали стражи. Завидев мою фигуру верхом на Абраге, не задавая лишних вопросов, они размотали веревки, что были накручены на подпорные столбы и удерживали ворота, после чего стали опускать массивную конструкцию из бревен на землю. Ворота, когда ложились на противоположный берег рва, служили перекидным мостом. По нему я и въехал в крепость, миновав двухметровые насыпные стены цитадели, которые снаружи обрамлял частокол заостренных бревен. Лишь только я оказался внутри, ворота за спиной вновь поднялись.

Подумалось, что вот я и дома. Накатила тяжелой ношей усталость. Здесь мой шатер, и пора бы уже отходить ко сну. Но нет, меня многие ждали у святилища: на мощеной площади собрались люди. Несмотря на поздний час – десятка три. В основном мужчины, но и несколько женщин, кое-кто даже с малыми детьми на руках, обступили троих незнакомцев – седых старцев в необычных одеяниях.

– Галифаб! – воскликнул Харасп, мой брат и частый попутчик в походах. – Наконец-то ты прибыл! Все мы ждем тебя.

Я спешил. Толпа оживилась. Меня обступили со всех сторон.

– Что случилось?

– Ты в отсутствие Акросы должен решить, что делать с чужаками. Дозор встретил этих троих стариков на большой тропе, в двадцати стадиях от города. Они ничего почти не говорят. Молчат. И, мне кажется, не понимают хорошо наш язык. Да и по виду их можно сказать, что они пришли откуда-то издалека. Думаю, из-за пределов.

– Они были с товарами? Купчих ярлыков не было при них?

– В том-то и дело, – ответил кто-то из дозорных – тех, кто доставил их в цитадель, – они были без всего, даже без личной поклажи. Мы все осмотрели. Даже без лошадей! Пришли пешком...

– Пешком? – я удивился. – Откуда же они могли прийти пешком?

Вопрос на время повис в воздухе.

Я внимательнее пригляделся к странникам. Они, как стало ясно теперь, оказались глубокими стариками: седые бороды, глубокие морщины, ввалившиеся и уставшие тусклые глаза. Одежды их были необычные и указывали на знатное положение: халаты, хотя и выцветшие, пыльные, но с дорогим узорным шитьем. Таких в наших краях не носили. Я подобное одеяние встречал лишь в восточных землях, в Нисе. Самым примечательным в их облике были головные уборы. Таких тоже в наших краях никто не носил и даже в жизни не видел. А вот мне доводилось. Это были большие шарообразные шапки, много раз обмотанные лоскутами, да еще и украшенные какими-то узорами. В Нисе, среди парнов, я видел богатых стариков из Парфии в таких же шапках. Откуда-то из глубины памяти всплыло слово «митра». Да, точно, убор назывался митрой. Быть может, эти странники – парфяне, подумалось мне.

Я пристально посмотрел в глаза тому из них, кто стоял впереди и, вероятно, был главным из них. С окладистой седой бородой, но лицом волевым для такого старика. Он в ответ спокойно посмотрел в мои глаза.

Ихтиандр. Странное и незнакомое слово вдруг почему-то появилось в моей голове. Может его так звали? Ихтиандр? В этот момент меня накрыло чувство, будто бы кто-то проник в мою голову и вместе со мной раздумывает, что-то шепчет. Тогда мне стало страшно. Я понял, что этот Ихтиандр, кем бы он ни был, великий жрец и гадатель, возможно даже, маг из рода древних энареев...

11

Я открыл глаза.

Ихтиандр. Великий жрец и гадатель.

Вот эти несколько слов все еще звучали эхом в моей голове сразу после пробуждения.

Я посмотрел в потолок, вспомнил, где нахожусь теперь. Было уже светло, часы показывали почти семь утра. До сигнала будильника был еще час. Но я так и не уснул.

12

Спустя час, что я спротонок бродил по дому, завтракал и пил чай, сновидение показалось мне уже не столь значимым. Откровение про Великого жреца и гадателя смазлось, да и откровением это я бы теперь не назвал.

Спустя еще некоторое время сон даже показался мне забавным. Смешно работал мозг во сне: он брал какие-то кусочки моего воображения, моих мыслей, моих воспоминаний, толлок из них стеклянную крошку, а затем перемешивал, подобно калейдоскопу.

Во сне меня называли Галифабом. Это я запомнил точно. Когда я включил компьютер и ввел такой запрос, ответа я не получил. Сеть не знала ни одного Галифаба – не было ни у одного народа такого имени, ни исторического деятеля, ни даже вулкана в Перу или корги с такой кличкой, занимавшей когда-либо призовое место на песнях скачках Ее Королевского Величества.

13

После занятий, не испытывая большого энтузиазма, я отправился в главный корпус университета – на собрание. Раз уж Птицеловский так вчера суетился, нужно было идти.

Большой аудиториум, где всех нас собирали, был самым вместительным залом, используемым обычно для проведения университетских заседаний или конференций. Над сценой-подиумом нависал большой экран. Из всех динамиков, висящих на стенах вдоль рядов, играла негромко какая-то странно бравурная музыка. Скамьи, громоздящиеся ярусами от президиума выше и выше, заполнялись стекавшимися из всех корпусов преподавателями и сотрудниками различных факультетов. К двум часам аудиториум был под завязку, а вмещал он, по моим прикидкам, человек триста – триста пятьдесят. Видимо, что-то важное готовилось, раз всех свободных сотрудников согнали: оглядывая зал, я встречался глазами со знакомыми историками и журналистами, географами и биологами, филологами и переводчиками, программистами и инженерами, химиками и физиками, математиками и экономистами, кадровиками и бухгалтерами. Конечно, и наши юристы здесь были почти все. Птицеловский был доволен хорошей явкой нашей кафедры. Был здесь и Васильков, занявший место на пару рядов ниже меня.

Когда Сергей Петрович Коновалов, наш ректор, зашел в аудиториум, гул стал стихать, бравурную музыку убрали. Речь началась с традиционных стуков и кашля в микрофон, выле-

тевших грохотом из колонок и вызвавших резонансный оглушительный свист динамиков. После этого кто-то за пультом сбавил громкость до нужных децибелов, и речь ректора полилась в выверенном диапазоне и нужной тональности. Последнее относилось, разумеется, не столько к качествам звукопередачи, сколько к ее начальственно мотивирующему содержанию. Оно было умеренно оптимистичным, проблемно заостренным, политически выверенным и предметно ничтожным. Перед тем, как перейти к сути, Коновалов минут десять повествовал про наши добрые традиции и уникальные достижения, просил всех принять участие в подготовке к празднованию будущей значимой даты и благодарил всех, кто принял участие в подготовке к празднованию предыдущей значимой даты (каковое прошло успешно и не осталось кем надо незамеченным).

К главному, как ожидалось, ректор перешел не сразу. А выяснилось, он всех собрал для того, чтобы представить своего нового заместителя – проректора по инновациям и стратегическому развитию. И дело было даже не в самом проректоре, а в учреждении новой должности. У нас были должности проректоров по науке, по учебной работе, по финансам, а вот по инновациям – не было. И, если подумать, из слов уважаемого Сергея Петровича Коновалова выходило, что весь наш университет до того очень много упустил, так как некому было внедрять инновации и стратегически нас развивать. Данное назначение, равно как и создание особой должности, уже было согласовано где надо: в правительстве, надзорных органах, министерстве, утверждено академией и советом ректоров, и в общем, как получалось, было жизненно необходимо и открывало огромные возможности.

Из числа голов, сидевших в президиуме, выделился и отправился к трибуне новый проректор. За его спиной, пока он говорил, замелькала слайдами вместо университетского герба презентация. Из первого слайда следовало, что он полный тезка нашего ректора, такой же Сергей Петрович, только не Коновалов, а Каспаров. Разница, как мне подумалось, была невелика.

Этот Каспаров был среднего роста и средних лет, не лысый и не круглый, а вполне себе обычный. Собственно, с высоты своего ряда я не имел возможности рассмотреть его достаточно хорошо. Внешнее отличие от Коновалова тоже было невелико, издали – так вообще – подмена почти не обращала на себя внимания. Выяснилось, что прибыл он к нам из столицы, чтобы обогатить, так сказать, провинцию передовым опытом. Правда, название института, который он имел честь стратегировать и развивать раньше, оказалось мне, да и, думаю, большинству присутствующих в зале, незнакомо: что-то технологически-управленческое там было, но не утвердительно. Биография выглядела достойной, и не более того. Что ж, видимо кадров своих возвращать нам, недалеким, было невозможно. А потому столица теперь становилась донором для регионов, если речь шла о постах важных и руководящих.

Речь Каспарова была вполне сообразной моменту, говорил он в привычно казенном стиле, даже, можно сказать, зажигательно. Сказал о неизбежных реформах, которые ждут всех нас, но не уточнил, ждем ли их мы. Упомянул о необходимости внедрения и усиления, оптимизации и совершенствовании процессов. Одним словом, проректор-инноватор внушил оптимизм и настроил на свершения.

Расходились все с двойственным чувством. С одной стороны, ориентиры торжественно были обозначены, свершения обещаны, внедрение инноваций сулило только выгоды и пользы. Но с другой стороны меня, как и многих, наверное, не покидало чувство какой-то пустоты, неизменно скрывавшейся за всеми этими речами. Это чувство повисло в воздухе невидимым топором – тем самым, что Достоевский подвесил над планетой в «Братьях Карамазовых». Я легко представлял почему-то этот летающий по земной орбите топор, занесенный над нашим университетом, глядя на задумчивые лица коллег. Они покидали собрание небольшими потоками, дробившимися на ручейки и вытекавшими из большого аудиториума, растекавшимися далее по коридорам и устремлявшимся по лестничным пролетам к выходам из главного кор-

пуса. Все почти молчали. Никто не обсуждал услышанное, не галдели даже тетki из бухгалтерии. Тишина, казалось, была гнетущей.

Хотя, вероятно, от некоторого утомления я сгущал краски. Я мало спал в прошлую ночь, погода на улице все так же стояла скверная и промозглая. Да и чего иного я мог ждать от подобного сборища, ей-богу!

14

На следующий день, когда мы с Максимом Ивановичем в очередной раз встретились в тренажерном зале, я упомянул про собрание в большом аудиториуме университета и назначение нового проректора.

– А что у вас нового в исполнительной власти? – спросил я.

– Да что там может быть нового? – покачал Максим головой. – Все то же самое унылое болото.

После очередного подхода к штанге, Максим еще раз взглянул на меня, как будто что-то вспомнил.

– Кстати, у нас тоже вчера весь аппарат собирали в зале заседаний правительства, – добавил он, – нового зампреда представляли.

– А кого это так повысили?

– Никого не повысили, а назначили не из наших, – пожал Максим плечами, – прислали откуда-то. Варяг очередной. Даже не из Москвы, а откуда-то с Поволжья. Не помню его фамилию. Какая-то простая, то ли Михайлов, то ли Николаев. Кажется, все-таки Михайлов.

– Видишь, как и у нас. Я вчера еще подумал: неужели никого из своих нельзя найти, что каких-то посторонних людей присылают? Им же на нас и на город наш плевать, только ради карьеры едут.

– Да, и явно через пару лет надеются куда-то на повышение пойти. Ротация, однако.

И мы перешли от штанги к тренажеру для задней поверхности бедра.

– А на чье место его назначили? – спросил я.

– Ни на чье. Никого не сняли, а просто новую должность учредили: было семь заместителей председателя, а этот уже восьмым будет.

– И что он будет курировать?

– Что-то с креативным развитием... какие-то социальные технологии, – Максим усмехнулся, показывая, что это не так уж важно, – примерно, как ваш новый проректор по инновациям.

Я вспомнил подходящий термин авторства французского философа-постмодерниста, означавший копию того, чего нет на самом деле, и не преминул вставить умное слово:

– Симулякр.

– Да, у нас все правительство, если сказать честно, один сплошной симулякр. Бумаги только перекладываем, – прокомментировал Максим и, выставив при помощи ограничителя гирек нужный вес на тренажере, приступил к упражнению.

Полчаса оставалось до закрытия зала, народ начинал расходиться.

К нам подошел тренер и инструктор, следивший за порядком в среде качков – Жорж Дмитрич.

15

Вообще-то его звали Георгием Дмитриевичем. Но почти все его называли либо Дмитричем, либо Жорой. Хотя было ему уже лет шестьдесят, и потому мы с Максом оставались с ним на «вы» и обращались непременно по имени – Георгий Дмитрич. А за глаза, вне зала мы его

называли Жоржем, или же Жоржем Дмитричем. Многие из наших ровесников и лично обращались к нему просто – Дмитрич, легко перейдя на «ты». А он это воспринимал нормально, не обижался. Даже сам предлагал, видимо, чтобы совсем не чувствовать себя динозавром среди молодежи. Но все-таки воспитание не позволяло переходить на «ты» в общении с человеком, прожившим больше нас обоих вместе взятых. А он это чувствовал. И поэтому с нами-то, пусть и с высоты лет, общался как с равными, иногда болтая почти по-дружески.

Жорж был в хорошей физической форме, но давно уже не атлет – скорее типичный советский физрук. На голове – короткий седой ежик, на подбородке – острая с проседью эспаньолка, сужавшаяся к нижней губе и не имевшая продолжения над верхней. Нужно сказать, что эта козлиная борода была на удивление уместна для его типажа и смотрелась вполне неплохо.

Главным показателем эффективности его работы было отсутствие несчастных случаев: придавленных штангами или переломавших ноги на беговых дорожках. При этом за дополнительную плату он мог проводить индивидуальные тренировки, если кому-то потребовался бы персональный тренер. Бесплатно он тоже, конечно, мог консультировать, подсказывать какие-то тонкости выполнения упражнений, делиться опытом правильного питания, но делал это неохотно, зная себе цену. Дабы Жоржа Дмитрича разговорить, нужно было найти к нему подход. Когда он узнал нас с Максимом получше и понял, что мы, еще вчерашние студенты, отнюдь не мажоры, к тому же бюджетники, явно не готовы платить за персональные тренировки, то он с нами и говорить стал попроще – не как с потенциальными клиентами, а скорее по-приятельски. И советы давал и, если надо, страховал, подсказывал. Иногда, правда, осекался, как будто бы вспомнив, что он вообще-то в мире бодибилдинга академик, а мы – так, начинающие самоучки, но вскоре опять увлекался и забывал про свой важный статус, особенно когда разговор выходил за рамки спорта и касался политических тем, международных конфликтов, шоу-бизнеса или положения дел в экономике.

Дмитрич, что неудивительно для его профессии, не только отлично ориентировался в геополитических раскладах, но и был хорошим знатоком разных конспирологических теорий. Много знал про масонов и тамплиеров, долларовую систему, англосаксонские спецслужбы и истинные возможности современной науки, тщательно скрываемые от широких масс.

Парадоксально, но в наш век информации именно эти, так долго и хорошо скрываемые секреты, всплыли вдруг на самую поверхность. И что бы вы думали? Их, эти секреты, утопили в такой густой болтанке из Ротшильдов, Рокфеллеров, прочих рептилоидов и тому подобной мифологии и дезинформации, что теперь уже никому не было понятно: где она – истина?

А в пересказах Жоржа такие откровения и инсайды приобретали законченный характер. И сам он признавал, что, конечно, куча того, о чем рассказывают в интернете, не соответствует действительности. Но, тем не менее, чувствовалось, что его знание жизни и интуиция позволяют ему четко отделять зерна от плевел и видеть всю картину целиком, как она есть. В конце концов, каждый разговор на подобную тему обычно предварялся примерно такими словами: я сам не очень в это верю, но... И уже после «но» начинались версии, гипотезы, факты, факты, факты...

Одним словом, околоспортивная болтовня с Жоржем представляла собой особый диалоговый жанр. Как разговор с таксистом – только хорошо тебе знакомым и на регулярной основе. Это входило в привычку и даже подчинялось негласным правилам бесед в качалке. Немного о протеинах, немного о политической повестке, немного о работе. Ну и, если повезет, кто-то за вечер поделится хорошим анекдотом.

Но в тот раз Жорж Дмитрич оказался не расположен к светским беседам. Он спешил.
– Ну что, мужики, все работаете? Или лясы точите?

– Ага, – сказал Максим, вставая с сидения тренажера. Его насквозь мокрая майка, прилипшая к телу, доказывала, что не прохлаждаемся.

– Закругляться не пора? – спросил Жорж.

– Да, скоро уже закончим. Еще половина же.

Я огляделся. Оказывается, в зале кроме нас никого уже не осталось. Видимо, Дмитрич спешил куда-то и хотел поскорее закрыть зал, лишь только его покинет последний клиент. Он подошел к большому плазменному телевизору, висевшему на стене, направил на него пульт и выключил. Какая-то слабо одетая девушка, распинавшаяся в клипе на музыкальном канале, к всеобщему облегчению, замолкла. Вообще музыкальный вкус у тренера был вполне неплохой. Когда подбиралась хорошая компания, он мог поставить концерт «AC/DC», «Metallica» или «Iron Maiden», записанный на диск. Но когда по большей части в зале тренировались девушки, поддавшиеся моде на занятия фитнесом, приоритет отдавался попсе с MTV. Сегодня же, выключив телевизор, он намекал на то, что уже пора сворачивать удочки.

Мы завершили последний подход на заднюю поверхность бедра.

Жорж нетерпеливо переминался с ноги на ногу, будто ему надо было в туалет, поглядывал на часы, висевшие на стене аккуратно над дверью. Точно, подумал я. Куда-то он спешит. И хочет, чтобы мы не тянули с тренировкой ровно до десяти.

– Сейчас уже пойдем, Георгий Дмитрич, – сказал я.

– Давайте, вон – все уже разъехались по домам. Протеины выпили. А вы?

– Да, сейчас пять минут ходьбы на дорожке и помчим, – ответил Максим.

Жорж всегда говорил о важности кардионагрузок на организм после силовой части тренировки, а тут видно было, что эта наша добросовестность ему не на руку. Он неожиданно стал ворчать:

– Вот люди сейчас избаловались, все на машинах ездят. И специально ходят даже не по тротуарам, а по беговым дорожкам. Еще и деньги за это готовы платить. А если вы бы шли сейчас домой пешком, то была бы вам отличная кардиотренировка.

– Ну, мы-то не от лени. Мы и гуляем часто пешком. Но, во-первых, там дождь, – возразил я, – а во-вторых, мы еще не сразу по домам.

– А куда еще? По девчонкам? – улыбнулся ласково, мечтательно и как-то почти по-отцовски Жорж.

– Ну, скорее по курочкам, Георгий Дмитрич! – ответил Максим. – Грудки, протеины, все дела.

Дмитрич понял не сразу. Когда догадался, спросил:

– А где это?

– Недалеко от рынка. На Туполева.

– На Туполева? – оживился Жорж.

– Да, там есть одно кафе – отличный гриль. Частенько после тренировок заезжаем.

– А не подкинете меня? Мне как раз на Туполева надо заехать, в тот район. А жена сейчас в командировке.

Нужно сказать, что сам Жорж Дмитрич либо ходил пешком, либо за ним заезжала супруга – лет на пять его моложе, тоже спортсменка и фитнес-тренер, работавшая в другом зале. Не знаю, почему Жорж не обзавелся своим автомобилем, но, видимо, потому он так критично смотрел на нас – предпочитавших ходьбе езду.

– Поехали, конечно, – кивнул Максим, – без проблем.

Сегодня, по негласной очереди, мы колесили на его машине.

– Отлично, вы меня выручите, – воодушевился Жорж, – тогда добегайте и идите переодеваться. А я пока тоже соберу все и буду вас ждать, чтобы закрывать зал.

Когда мы спустились в холл, Дмитрич обесточил все помещения, набрал код сигнализации. После мы нырнули в машину. Жорж уместился на заднем сидении и оттуда стал нам вещать о своих столь неотложных делах.

Выяснилось, что он сегодня, вместо того, чтобы своим привычным вечерним автобусом отправляться домой, должен посетить знакомого-коллегу, что жил как раз на Туполева. У того оставался специально отложенный для Дмитрича пригласительный билет на какой-то важный съезд тренеров-культуристов, который должен был открыться уже завтра и проходить на протяжении следующих трех дней. Проводившийся, как правило, в столице, не иначе как в павильонах ВДНХ или в Гостином дворе, этот форум собирал всех лучших специалистов, а также спонсоров и маркетологов в сфере бодибилдинга. Фарм-компании с их новейшими биодобавками, ведущие немецкие и американские производители протеиновых порошков для коктейлей, бренды тренировочной одежды, производители спортивного инвентаря – все они активно рекламировали там свою продукцию, а главное – предлагали выгодные контракты с условием продвижения. В обычной жизни нашему провинциальному Жоржу участие в таком форуме, включавшее недешевые пригласительные, перелет, гостиницу, было бы не по карману: пришлось бы два-три месяца работать, чтобы окупить такое турне.

Но по какой-то необъяснимой, возможно и чудесной причине, буквально три дня назад прошел слух, что форум «Русский мускул – 2011», кажется, так он его называл, будет выездным и пройдет в нашем городском дворце спорта! Слух был сначала осмеян и признан профессионалами бодибилдинга в высшей степени недостоверным. Однако со вчерашнего дня слух подтвердился – пригласительные на «Русский мускул» стали расползаться в среде заинтересованных лиц, к тому же – совершенно бесплатно! Удивительно, почему столь значимое событие решено было провести в нашем небольшом городке, но все подтверждалось. Жорж уверял, что видел даже рекламу по местному телеканалу, а уж это явно не могло быть подделкой или происками мошенников. Словом, для него этот пригласительный на все три дня форума был как билет для меломана на вудстокский фестиваль, да еще и с возможностью самому выйти на сцену и сыграть соло на гитаре бок о бок с участниками любимой рок-группы.

Жорж был взволнован, возбужден, мечтателен.

Всю дорогу, пока мы не доставили его по нужному адресу, он не умолкал и расписывал грандиозность этого события и те перспективы, которые открываются перед нашим городом, ну и перед ним, как тренером, лично. Мы отчего-то должны были, по его мысли, стать столицей бодибилдинга, а вся наша молодежь – выйти из подворотен, затушить окурки и непременно заняться спортом. Жорж ожидал встречи с культуристом Турбинским. По слухам, сам Арнольд Шварценеггер мог приехать из Калифорнии, чтобы стать главным гвоздем «Русского мускула».

Что ж, мы с Максимом были захвачены его рассказами и идеями, хотя в целом нас не могло не заинтересовать, почему именно в нашем тихом городке пройдет такой значимый форум национального масштаба.

На Туполева, выходя из машины, мы распрощались.

– Дальше я сам, – после рукопожатий сказал Жорж. Он вновь стал спокойным, и даже словно отстраненным.

Отточенным движением он собрал в пальцы и наострил свою козлиную бородку, надвинул козырек кепки на лоб и растворился в сыром осеннем полумраке многоэтажного района.

Новый день принес первую инновацию от назначенного проректора Каспарова. Утром в пятницу коллеги на кафедре мне рассказали, что решением ректората наш конференц-зал, называемый до того большим аудиториумом, решено переименовать в коворкинг.

Историческое значение такой инновации трудно было переоценить. Квазилатинизмы драматично проигрывали битву англицизмам.

18

Итак, первая неделя осени, ненастная и притом рабочая, заканчивалась. Приближался вечер пятницы. Каждый из нас к концу дня завершал дела и готовился к поездке на дачу, о которой мы договорились ранее. Мне, с одной стороны, не терпелось взглянуть на браслет, что мы нашли в лесу, с другой – мысли о находке почему-то вызывали во мне смутное чувство тревоги. Эта тревога была иррациональна, хотя все, что произошло с нами тогда, во многом до сих пор не нашло рационального объяснения. К примеру, кого мы видели на поляне, а затем в самом лесу у капища? Силуэт без лица. Но я бы все поставил, что это был один и тот же...

(ихтиандр, так назвал его Максим Иванович)

...человек.

Быть может, и браслет принадлежал ему?

Когда Бумер рванул к нему, никто из нас не увидел, как он исчез. И куда он пропал затем? Испарился? Но в лесу просто так бесшумно исчезнуть было практически невозможно, особенно скрыться от быстрой молодой овчарки. Все эти вопросы как будто бы сопровождали меня, оставаясь на периферии, но подспудно сохраняли недосказанность и тревогу.

А перед тем пятничным вечером, когда мы вновь собрались на даче, Тимур успел сходить на собеседование по поводу новой работы, а после этого еще и познакомиться с прелестной девушкой Дашей.

19

Тимур на самом деле мог бы найти работу и раньше, не тратя лето на каждодневные пробежки. Тогда мы не знали до конца о его планах.

Вернувшись со срочной службы в армии, он несколько месяцев проработал в городском военкомате. Там он быстро понял, что работа эта – не для него. Перекладывать пыльные тома личных дел призывников и заполнять красивым ровным почерком табели и медицинские карты было явно не тем, к чему лежала его душа. Работа в военкомате, хотя формально и имела отношение к армии, но уже тогда выводилась за штат вооруженных сил, превращаясь в гражданскую контору по учету кандидатов на срочную или контрактную службу. Если уж продолжать военную карьеру, то не в военкомате, а в каких-то действительно боевых подразделениях, – так он рассуждал. В итоге он подал документы сразу в несколько силовых структур, но дело это оказалось не скорым: везде требовались согласования, вакансии были заняты, проводились многомесячные проверки. А он все ждал, когда закинутые сети дадут какой-то улов и, пока ждал – целенаправленно тренировался, соблюдал режим, бегал, улучшал и приводил к эталонным свои физические кондиции.

Выходило, наше с Максимом увлечение качалкой оказалось побочным следствием подготовки Тимура к будущей службе, о которой мы тогда не знали, но могли лишь догадываться.

Тем не менее, в ходе всего времени ожидания Тимур интересовался и другими вариантами продолжения карьеры – интересные предложения несколько раз возникали. Но в этот раз предложение превзошло все ожидания.

Кто-то из бывших однокурсников позвонил ему и предложил приехать в Промышленно-торговую палату на собеседование. Тимур, недолго думая, собрался и прибыл в красивое новое здание, в котором Палата разместилась с недавних пор. Эта структура была призвана стать главным координатором развития экономики региона, поэтому промышленников и предпринимателей разместили в новом большом трехэтажном особняке на живописном склоне,

в исторической части города. Здание неплохо вписалось в дореволюционную архитектуру со своими колоннадами, античными портиками и даже какими-то готическими химерами-горгульями над центральными окнами, вытянувшимися под самую крышу. За эти скульптуры особняк Палаты горожане быстро окрестили «домом с чудиками».

Массивная деревянная дверь, метров пяти высотой, с тяжестью открылась, а потом гулко захлопнулась за спиной Тимура, когда он зашел в здание. Запах всего нового и дорогого ударил ему в нос: дубовых интерьеров, кожаных диванов, толстых ковровых дорожек, по своей мягкости заметно превосходивших даже те, что устилали коридоры правительства. Благоухали духами и одеколонами обитатели Палаты. Даже мрамор лестниц и стен источал какой-то утонченный аромат. Так показалось Тимуру. А люстра, нависшая над головами входящих, была так огромна, что останавливаться под ней казалось непростительным риском.

Тимура встретил какой-то клерк, но клерк этот, было видно, знал себе цену. Его жалование, по виду и манере, было побольше, чем у многих городских чинов. Все-таки наступивший на нас капитализм сместил элитарность и власть из месткомов и горкомов в такие вот особняки, либо же выраставшие в те годы стеклобетонные небоскребы.

В места, где деньги пахли.

И запах этот был сродни описанным выше. А дальше к нему мог присоединиться аромат дорогого виски или коньяка, дыма кубинской сигары и прочее, прочее... Главное, чтобы помогло забыть и не напоминать о других – нежелательных запахах, тоже иногда примешивавшихся к деньгам.

– Тимур Ренатович Дамиров, верно? – спросила пожилая секретарша в большой приемной, куда Тимур проследовал за клерком.

– Да, добрый день.

– Меня зовут Дарина Викторовна. Подождите, я сообщу, что вы прибыли.

Лет шестидесяти на вид – крупная, рыхлая и бесформенная, тонувшая в костюме ярко-красного цвета, который ей совсем не шел, она имела на носу неказистую, довольно крупную родинку телесного цвета, которая производила отталкивающий эффект и явно требовала оперативного удаления. Дарина Викторовна на первый (как, впрочем, и на последующие) взгляд не соответствовала параметрам стереотипной секретарши: возрастная, непривлекательная – к такой точно не приревнует жена! Взяв кожаную папочку с какими-то бумагами, она неуклюжим шагом зашла в кабинет к боссу. Когда дверь за ней закрылась, Тимур осмотрелся. Золотая табличка на стене у двери сообщала, что за ней сидит Богородский Вальдемар Янович.

– Ух ты ж, епт... – едва не поперхнулся Тимур, когда прочел это имя.

Секретарша, впрочем, вышла почти сразу же, уже без папочки. Дверь за собой не закрыла и указала Тимуру:

– Вальдемар Янович вас ждет.

Тимур шагнул в кабинет, который оказался еще больше ожиданий и, возможно, занимал целое крыло особняка с чудиками. Да, в таком кабинете должен был обитать не менее, чем Вальдемар Янович.

Сам хозяин выглядел тоже весьма представительно. Дорогой костюм сидел идеально, волосы были уложены и зачесаны назад. Бородка, аккуратная, ухоженная, но в то же время не гламурная, а умеренно мужественная, была с легкой проседью. Тимур дал бы Богородскому лет пятьдесят, но по фигуре было видно, что тот в отличной форме и может быть ему не более сорока пяти. Такого – без грима, да на глянцевого журнал, в рекламу банка или даже премиального авто.

Хозяин кабинета пожал Тимуру руку, пригласил в глубокое кресло напротив огромного письменного стола. Это было самое необычное собеседование. Создалось впечатление, что Вальдемар не испытывал собеседника, а, напротив, всячески агитировал за ту работу, которой Тимур непременно должен заняться, будто именно в ней – его неизбежное предназначение.

– Тимур, можно ли к вам обращаться на «ты»? – спросил Богородский.

– Да, конечно, – кивнул Тимур.

– Отлично, я тогда перейду к сути вопроса. Я буквально недавно приступил к этой работе, возглавил Промышленно-торговую палату. И скажу честно, как любой новый человек, я хотел бы собрать новую, молодую и амбициозную команду, которая могла бы решать стоящие перед нами задачи.

Далее Вальдемар Янович говорил еще минут десять, а может и больше, описывая перспективную деятельность, ради которой он прибыл в наш город. Его мечты, уже вскоре должны воплотиться в явь, были грандиозны и чудны одновременно. Тимур буквально провалился и утоп в каком-то болоте из слов, многие из которых слышал впервые, а иные – хотя и знал их – никогда бы не додумался использовать в таких сочетаниях.

Оказывается, нашим бизнесменам, талантливым и многообещающим, не хватало до полного триумфа системы высококачественных связей, которую могла обеспечить пирамида коммуникаций. Подготовка зоны роста должна была опираться на самооценку, осознание реальности как результата, а не причины текущего положения дел. Дабы побороть ограничивающие убеждения, когнитивные искажения и фильтры восприятия, Вальдемар Янович планировал внедрение метапрограмм по расчистке целей, переоценке дефицитарных потребностей, расширении пространства вариантов.

Как он заявил Тимуру, Палата сейчас заинтересована в формировании команды стейкхолдеров для подготовки к сложной коммуникации на уровнях «что» и «кто» в конфликте иерархий и давлении системных сил. Далее он вел речь об активно-конструктивном реагировании и проявлении здоровой уверенности в формуле ненасильственного общения для бизнеса, благодарности и формах обратной связи, о пробуждении силы переговорщика через работу со страхами. Так, интеграция должна была служить становлению целостной личности и движению к взаимозависимости для преодоления барьеров эмпатии.

Тимур немного оторопел от такой непонятной тематики, а Богородский все не унимался и с упоением рассуждал об эффектах групповой коммуникации с задействованием пирамиды логических уровней ради достижения ситуации «win-win».

Тимуру даже на миг показалось, что ему все это снится, настолько ситуация была сюрреалистичной. Впрочем, он сдержал себя, чтобы не выдать недоумение.

А затем вдруг подумал почему-то: а не пригласил ли он меня сюда для чего-то другого? Чтобы что-то узнать или понаблюдать за моей реакцией? Хотя нет, с чего бы? Зачем человеку с таким влиянием, явно небедному, о чем-то со мной просто так болтать? Из развлечения? Похоже, он и впрямь увлечен этими своими пирамидами коммуникации.

В итоге, когда Вальдемар Янович выдохнул и сделал паузу, явно приглашавшую Тимура к той самой обратной коммуникации, тот не нашел ничего лучше, как спросить:

– Так вы хотите, чтобы я был стейкхолдером?

Богородский как-то странно посмотрел, как будто бы ожидал услышать в ответ что-то более восторженное и пафосное. Повисла тишина. А затем Вальдемар опять как-то воспрянул и ответил:

– В общем-то, да, можно сказать – стейкхолдером! Бизнес-аналитиком, GR-менеджером, продакт-плейсментом... Словом, главное – присоединиться к команде! Стать частью проекта, определять стратегии, которые помогут достигнуть целей бизнеса!..

Тимура не покидало ощущение, что Вальдемар тарабанит как будто заученные фразы, точно робот. Посетила забавная мысль: если бы найти место подключения в розетку и выдернуть шнур, то мог бы раздаться щелчок, за которым Богородский просто опустил бы голову и заглох как выключенный пылесос.

В итоге Тимур, конечно, спросил у нового энергичного главы Промышленно-торговой палаты, что такое стейкхолдер, и что он должен делать. Выяснилось, что стейкхолдер – это бук-

важно не название должности, а скорее роль, которую должны выполнять сотрудники Палаты в различных проектах, как заинтересованные в тех или иных результатах лица. Стейкхолдером может выступать кто угодно – люди, компании и даже государство.

В самом конце беседы Богородский вдруг почему-то вкрадчиво спросил:

– Что вы почувствовали, оказавшись здесь? Какой запах?

Тимур не сразу понял, к чему этот вопрос:

– Что вы имеете в виду?

– Запах успеха? Это похоже на него?

Затем Вальдемар Янович взглянул в окно и резко, будто бы переключившись, сказал совсем другим тоном:

– Забудьте! – и фальшиво улыбнулся.

Тимур не дал Вальдемару согласия на работу, но и не отказался. Взял время на размышление. Поразмыслить действительно было о чем. Когда он услышал примерный свой стартовый оклад, ему захотелось присвистнуть, но он благоразумно сдержался. Это не была какая-то неожиданно большая сумма, но она превышала все те зарплаты, на которые он мог рассчитывать при трудоустройстве в силовых ведомствах или аналогичных бюджетных конторах.

– Бред какой-то... – пробормотал Тимур, выйдя из особняка с горгульями. Тяжелая и массивная дубовая дверь за его спиной мягко щелкнула пневматическим доводчиком. Он отчетливо почувствовал чей-то взгляд сзади, как будто бы кто-то наблюдал за ним из здания, смотрел вслед. Тимур обернулся, и взгляд его невольно поднялся вверх. Он думал, что кто-то заметит в окне, но ни одна шторка не шелохнулась, ни одного силуэта за стеклами здания Палаты не было видно.

Откуда-то сверху, из-под свода крыши, своими пустыми глазами на него таращились лишь гранитные химеры. Они там взгромоздились над высокими колоннами – столь высоко, что даже голуби не облюбовали их для своих грязных посиделок.

А потом взгляд Тимура переместился чуть ниже, где он увидел под одной из химер миниатюрную, совсем неприметную камеру наблюдения. Ее окуляр был пристально наведен прямо на него. Тимур почему-то не сомневался, что Вальдемар Янович Богородский, сидя в кабинете, видит сейчас его на своем мониторе. И именно его взгляд он почувствовал на своей спине.

Странно все это, – подумалось ему.

20

К вечеру пятницы так и не распогодилось. Термометр показывал меньше десяти градусов, было туманно и сыро.

Выезжать на дачу условились в семь. Саня уже был на месте, а Леха с нами так и не собрался. Мы же втроем договаривались ехать с Платановой на машине Тимура, однако самого его в означенное время во дворе еще не было. Равно как и машины. Я подошел к сорок девятому дому точь-в-точь к семи, сразу одетым в камуфляжный костюм и с рюкзаком за спиной. Максим сидел на лавочке у подъезда и курил. На мой риторический вопрос он только пожал плечами.

С десятиминутным опозданием во двор влетела белая «приора». Идеально чистая и не забрызганная даже после дождей, сделав резкий маневр, она остановилась как вкопанная взвизгнув тормозами. Стекло опустилось, голова улыбающегося Тимура высунулась из окна и спросила:

– Куда собрались, голодранцы? Подвезти?

– А ты сам-то откуда, инвалид? – ответил вопросом Макс.

– Ты не умничай! Отец по делам ездил, – сообщил Тимур.

– Какие дела, ты время видел? – подключился и я.

– Тачку намывал как всегда... – пробурчал Макс.

– И это тоже! Но я, пока вы тут груши околачиваете, с одной цыпой подружился. Свозил ее в «Блокбастер», поели там роллов. Потом на смотровую площадку прокатились, чуть ее там пообжимал... Короче, нормально так! Отец доволен. Домой ее сейчас подкинул, попрощался: она недалеко тут живет...

– Ясно, Казанова, – оборвал его Максим, – только не говори мне, что ты еще не собран на дачу. Я надеюсь, душ принимать уже не будешь? Маникюр, педикюр, укладку делать? А не то я...

– Расслабьтесь, неудачники, у меня рюкзак собран – уже в багажнике. Все с собой. Так что прыгайте в тачку и погнали!

Стало понятно, почему Тимур имел такой довольный и даже мечтательный вид. Обуял его романтический порыв...

Мы закинули рюкзаки в багажник, сели в «приору». В нос мне ударил целый букет запахов: помимо нагретого (не по сезону работающей печкой) автомобильного пластика, пахло ароматизатором, какой-то полиролью, которой Тимур натирал приборную панель, и даже, возможно, издыхающим ароматом духов его новой подруги, еще не вышедшим из салона окончательно. Но сильнее всего несло какой-то «дольчегабаной» от самого Тимура, вылившего на себя перед свиданием, вероятно, полбанки одеколона. Я сел вперед, а с заднего сиденья уже налегал Максим:

– Жми на газ, гринго! И рассказывай: где ты там был и с кем. Я хочу знать все в мельчайших подробностях. И еще, ты же знаешь... – он потянул Тимура за плечо, а тот довольно хмыкнул, – не скупись на непристойности!

21

На тот раз в лес мы не пошли, остались на даче. Кто-то сидел на длинном старом диване под навесом, кто-то стоял у мангала, в котором разгорался огонь. Отсыревшие дрова, пока не испустили влагу, дымили белым и частенько стреляли.

Сразу после прибытия в лесные пенаты мы молчали. Слушали загородную тишину и вдыхали умиротворение осенней природы. Бумер мирно спал в своей будке. Ему явно снилось что-то хорошее. Я следил за огнем, иногда поправлял поленья.

Саня то уходил в дом с пустыми руками, то возвращался уже с полными. Так на столе вскоре появились граненые стаканы и рюмки, тарелки с нарезкой овощей, пакет с зеленью и чесноком, чашка с небольшими помидорчиками – урожай с собственного огорода. Следом возникла трехлитровая банка с солеными огурцами, бутылка с самогоном из домашнего винограда. Взгляд на этот стол согревал не меньше, чем разгоравшиеся в мангале дрова.

Тимур с задумчивым видом лежал на старом кожаном диване, волею судеб прописавшимся под навесом на улице. Ноги он скрестил и водрузил на табурет перед собой. Его взгляд был отвлеченным и устремленным куда-то далеко. Максим курил, стоя чуть в сторонке, под уже начинавшими желтеть деревьями. Яблоня над ним была вся усеяна яблоками. Ее мокрые ветви клонились к земле под гнетом вызревавших плодов. За время, что мы проводили в беседке, некоторые оторвались и шмякнулись оземь. Так же и грецкие орехи над площадкой у дома – по одному, или даже по несколько штук, они падали при каждом сильном порыве ветра. Те, что уже подсохли, с треском лопались о бетонную площадку перед домом.

Осень, похоже, не намерена была отступать, а любые мысли даже о непродолжительном реванше лета казались призрачными.

22

Пока Санек нанизывал мясо, поленья прогорели и угли были готовы.

Привлеченные ароматами, мы собрались у мангала, завязалась беседа. Каждый делился последними новостями. Я – про нашего нового проректора инноватора, который переименовал большой зал в коворкинг, Максим – про аналогичное назначение заместителя председателя в правительстве. Но больше всех новостей было у Тимура.

Сначала про знакомство с девушкой Дашей, которая тоже, как оказалось, занималась спортом, бегала на пруду, тянула ноги на турниках. Эти самые ноги, равно как и прочие ее выдающиеся спортивные формы, настолько привлекли внимание Тимура и вызвали профессиональный интерес, что он решил не терять времени и так скоро, насколько мог, взял ее в оборот. Даша ответила взаимностью и первое свидание для нашего друга оказалось вполне многообещающим.

Не менее интересно Тимур описывал свой визит в особняк с чудиками, неожиданное предложение стать стейкхолдером и странного Вальдемара Яновича. Когда Санек услышал рассказ про знакомство Тимура с Богородским, он оживился и сообщил, что тоже буквально вчера, оказывается, видел этого субъекта.

– Точно! Он еще с бородкой, важный такой, – сказал Саня, – приходил к нам в земельно-кадастровое управление. Наш шеф его всем представил, и он полчаса нес такую же чушь, что и тебе, Тимур. Про развитие, эмпатию, пирамиды и черт знает, что еще. Сказать честно, то я так и не понял, что же именно он хочет от нас, от кадастровиков... зачем приходил? Самое странное, что я это все наблюдал, как во сне, а все вокруг меня так вдохновились, хлопали ему, как дурачки.

– Вот-вот, – подтвердил Тимур, – мне тоже временами казалось, что это какой-то нелепый сон.

– А действительно, зачем он к вам в управление приходил? – удивился Максим. – Разве что, когда бизнесменам понадобится ускоренно какие-то участки межевать для оформления, чтобы вы им помогали? Но это и без него все решается за долю малую – зачем ради этого какие-то речи толкать? Если что-то важное, можно и кулуарно с руководителем такие вопросы порешать. Он что, по комсомольским собраниям скучает, или на какой-то пост избираться собрался и ведет агитацию?

– Станный тип, – покачал головой Тимур, – очень какой-то мутный. Мне он сразу не понравился...

– Классовая ненависть? – спросил я. – Может быть, и запах успеха тебе не понравился?

– Да нет, причем тут это! Он какой-то фальшивый... – Тимур воспринял всерьез мою подколку. – Не могу объяснить вам почему, но дело не в том, как обычные начальники себя ведут. Тут что-то другое. Мне даже показалось на секунду, что он как робот. Как выросший электроник, который так и не стал человеком, хотя внешне не отличить.

Тимур вплотную приблизился к мангалу и протянул руки к жару, чтобы согреться.

– И еще про этот запах? Он что, мысли мои прочитал? А потом сам как-то смутился и тему перевел...

– Может, он экстрасенс? Медиум?

– Позёр он, такое мое мнение, – вставил Максим Иванович.

– Да просто он какой-то придурок! – попыток Санек, – Ты скажи, Тимур, в конечном счете ты все-таки согласился к нему пойти работать?

– Нет. Сказал, что пока подумаю. До понедельника. Но это скорее из вежливости... по мне – что тут думать? – пожал плечами Тимур. – Родители говорят: иди, интересная работа, хорошая зарплата... а я не хочу. Что-то там нечисто. Даже и не знаю, что конкретно.

Шашлыки за время нашего разговора уже подходили к степени готовности, нас окутывал ароматный дым, угли вспыхивали от жира, капавшего с кусков мяса. Следующей темой, которую мы обсуждали, был форум культуристов «Русский мускул», который действительно

проходил в это время в нашем городе. Тимур, оказывается, тоже слышал о нем от знакомых качков. Говорили даже, что если погода к воскресенью немного улучшится, то на центральной площади пройдет грандиозное закрытие, на которое сможет попасть любой желающий – показательное выступление бодибилдеров и рок-концерт с участием известных заморских групп. Но это пока были лишь слухи, требовавшие подтверждения.

23

Ужин с виноградной водкой собственного производства нас быстро согрел. Осенний вечер не казался теперь таким унылым. Саня достал из кармана куртки браслет, положил его на середину стола перед нами, будто бы ставку на кон в карточной игре.

Действительно, с момента находки он сильно преобразился. Тогда он весь был покрыт какой-то патиной, темными разводами, а местами и чем-то, похожим на мох. Теперь же, после чистки, он оказался светлым, ярким, золотым. У меня не было сомнений, что перед нами не просто качественная бижутерия, а ценный артефакт из настоящего золота, и его ценность заключается не в дороговизне материала – скорее в происхождении и истории. Сама история его находки нами в лесу уже была окутана тайной.

По всему периметру браслета, как и говорил Санек, были нанесены необычные объемные изображения. Наверное, более десятка идеально ровных квадратиков расположились двумя рядами по широкой дуге пластины. В каждом квадратике был нарисован какой-то человечек, иногда двое, а иногда – животное. Цепь этих квадратиков как будто бы представляла собой единое повествование. Я подумал, что они наверняка связаны между собой и описывают какую-то легенду или сюжет, как фрески на стенах храма, только миниатюрные и изготовленные с ювелирной филигранностью. В эту минуту каждый из нас наклонился к браслету и внимательно, даже зачарованно рассматривал его.

Первым руку протянул Тимур. Взял металлическое изделие, покрутил, подбросил слегка на ладони, как будто бы желая понять примерный вес.

– Действительно, тяжелый, – подтвердил он, – и сделан очень красиво. А ты примерял его, Санек?

– Попытался надеть. Он узкий, руку засунуть, не разгибая пластину, сложно. Испугался что погнется, или вовсе треснет.

– Да нет, вряд ли. Если это золото, то браслет должен быть гибким и достаточно прочным. Гляди, какой толстый!

– Мало ли... я же не до конца был уверен, что это золото. А если какой-то хрупкий сплав?

– Если б треснул, тогда точно узнали бы, что внутри.

– Так примерь. У тебя запястье не толще моего, – кивнул Тимуру Санек.

Максим спросил:

– Проклятья не боишься?

– Думаешь, он как маска из фильма с Джимом Керри? – засмеялся Тимур. – Прирастет ко мне, и в меня вселится демон?

– Зная тебя, не вселится, – ответил Максим, – у тебя в скворешнике для нового демона свободной комнаты не найдется.

– Максим Иваныч, да если там живет какой-то демон, мы его тут на даче разместим, сэманальем, – сказал Саня, – будет наш собственный – дачный дух.

Пока мы шутили, Тимур уже продел кисть руки в браслет так, что тот почти не пришлось разгибать.

На секунду-другую он зажмурился.

Затем открыл глаза, показал в улыбке ровный ряд белых зубов и сказал:

– Шикарно! Пожалуй, так и оставлю.

– Контакт с демоном установлен?

– Не знаю, не чувствую... Но ощущения отличные, – ответил Тимур.

– Снимай, шикака, дай другим поглядеть, – сказал Максим и взял украшение у Тимура. Какое-то время он разглядывал, крутил в руках, тер пальцами блестящую поверхность.

– Ну и что ты его натираешь? – теперь подшучивал над Максимом Тимур. – Ты его еще на зуб попробуй. Как в старых вестернах.

– И попробую, – кивал Максим.

– Плюмбы не переломай! А то без зубов будешь ходить, деснами шамкать, тебя и из правительства уволят, как инвалида.

– Поскорее бы...

Так они могли долго продолжать свой словесный пинг-понг и, уж будьте покойны, продолжали дальше. Но не все из того, что было сказано, я запомнил. А из того, что запомнил, еще меньше, по разумным соображениям, могу тут пересказать.

Санек, как радушный хозяин, довольно затягивался сигаретой, выпуская в безмятежный воздух над собой ровные кольца дыма. Бумер, который тоже отужинал и оставил пустую алюминиевую миску, теперь сидел прямо под скамьей, за нашими ногами. Он с любопытством вслушивался в беседы, улавливая, наверное, что-то важное и для себя.

Когда Максим надел браслет, слегка разогнув пружинящую пластину, мне показалось, что скакнуло напряжение: какой-то фонарь на улице вспыхнул и потух, а может трансформатор перегрелся, после чего сработал предохранитель.

Под навесом на даче светила желтая лампочка в стеклянном плафоне, похожем на трехлитровую банку. Возможно, эти плафоны и банки даже выпускали когда-то давно на одном заводе. Так вот, лампа на долю секунды вспыхнула ярче, а потом секунд на пять наоборот притухла и светила мерцающим тусклым-тусклым светом. Я подумал, что вот-вот свет погаснет совсем. Но нет, все вернулось на круги своя.

Максим прокрутил браслет вокруг запястья.

– Наверно, гроза... – прокомментировал Саня, – напряжение скачет.

В подтверждение его слов где-то вдалеке громыгнуло. Прошло как раз секунд десять – нужное время, чтобы звук молнии докатился до нас.

– В сентябре? – удивился я.

– Бывает. И зимой грозы случаются. У нас тут холод, а где-то слои теплого воздуха еще. Вот и волнуется атмосфера, заряжается, – не успел Санек договорить, как по металлической кровле навеса забарабанил дождь. Вначале падали редкие крупные капли, а затем все более частые, пока не слились в ровный гул, бивший по крыше. Вода устремилась в желоба и ливневки, листья деревьев под ударами дождя запрыгали и задрожали, с веток упало еще несколько яблок, срок которых уже подошел.

Но нам под навесом было хорошо и уютно.

Максим Иванович, тем временем, снял браслет и передал его мне. Надевать его я поначалу не собирался. Меня, разумеется, не пугали проклятья, и я не руководствовался какими-то суевериями. Я рассуждал так: вероятно, этот браслет был частью древнего захоронения. Возможно, перед тем как оказаться на поверхности, он был надет на руку умершего, лежал в могиле, пережил разложение своего хозяина. И вот теперь, как ни крути, примерять вещь из чьей-то могилы казалось мне неправильным с точки зрения этики и сомнительным по причине физической брезгливости. Я понимал, конечно, что инфекций или даже следов тлена на металле давно нет. И все же, я не думал, что примерю эту вещь.

Сначала не думал.

Меня больше интересовали рисунки: хотелось их рассмотреть и понять – о каких сюжетах они повествовали? Браслет явно мог рассказать какую-то историю. Можно было бы поискать аналогии в мифах древних народов, особенно в библейских или древнегреческих.

На Северном Кавказе, в том числе среди сарматов-алан, издревле распространялось христианство. Вещь вполне могла бы принадлежать какому-то миссионеру – возможно, епископу или даже митрополиту. Думаю, у высоких сановников церкви в те времена столь драгоценные украшения вполне могли быть обычным делом.

Эта вещь, как и изображенная мифология, могла оказаться греческой, скифской, арабской, даже иудейской. Но ничего близкого к знакомым мне изображениям я на первый взгляд не находил. Хотя, всмотревшись в сами фигуры людей, в какие-то непонятные значки, явно не принадлежавшие к известным современным алфавитам, у меня возникло ощущение, что я где-то уже видел подобные изображения. Сама стилистика отсылала к какой-то древней культуре, но явно более старой, чем греческая, латинская, арабская или хазарская.

– Саня, а тебе эти рисунки и надписи, если это надписи, ничего не напомнили? – спросил я.

– Что-то древнее, не знаю.

– Где-то я подобное видел, может в каком-то музее. Какая-то клинопись. Тут немного, видишь, как колышки: здесь два, здесь один, и тут еще, – мы с Саньком склонились над браслетом, а он добавил:

– Видишь, тут я еще насчитал трех птиц и одного жучка.

Действительно, на отдельных квадратах были нарисованы птицы – две похожие на аистов или цапель, наклонившиеся длинными клювами к земле, третья выглядела как обычный воробей. Был и жучок, похожий на скарабея. Иные рисунки явно что-то означали, но понять, что именно изображено, мы не могли.

– Чем-то смахивает на египетские рисунки, как в захоронениях фараонов, – сказал Максим.

– Жуки и птицы возможно и похожи. Но, думаю, это не Египет. Скорее эта клинопись напоминает вавилонскую.

На мысль, что браслет принадлежит культуре Междуречья, меня наталкивало особое изображение людей. Это были не просто человечки из палочек, как рисуют их дети, только взявшие в руки карандаш. Они были рельефные, в необычных головных уборах – больших круглых шапках. Один из них сидел на троне, держа в руках какое-то кольцо. Возможно, это был царь. Расположенные в кубиках справа и слева от него мужчины в шапках, могли быть жрецами, слугами или посланниками. Один слева и двое справа – каждый был обращен лицом в сторону трона. Походило это на какой-то ритуал, потому что каждый при этом что-то держал в руках, но детализация и без того филигранных миниатюр не позволяла понять, что это за предметы, так что непосвященный в суть дело не мог их опознать.

– Давай сфотографируем эти рисунки, прямо так – крупным планом. А ты покажи своим историкам, что они скажут? – предложил Тимур.

Я согласился. В любом случае, показывать кому-либо сам браслет мы все считали преждевременным. А вот фотографии рисунков показать можно было бы, объяснив, что кто-то нашел их в интернете. Это не вызвало бы лишних вопросов, обратиться я к тому же Василькову.

Пока я крутил в руках браслет, рассматривал его, обсуждал рисунки, поймал себя на мысли, что у меня возникло желание непременно надеть его. Я долго не думал, на какую руку его надевать. Может потому, что на правой руке уже были часы, а может, просто это показалось правильным – я надел его на левую. Легонько разжав дугу золотой пластины, я продел кисть и таинственное украшение легко оказалось на моем запястье.

Наверняка, прозорливый читатель ждет, что я опишу какие-то невероятные ощущения: быть может, какое-то видение открылось мне в ту минуту, или я ощутил магическую энергию

древнего артефакта. А может, ощущение чужого присутствия, которое посещало меня в лесу, вернулось в тот миг...

Но нет.

Я и сам, наверное, тогда ждал чего-то похожего.

Однако, ничего подобного не случилось. Лишь два примечательных обстоятельства могу я вспомнить.

Первое. Мне вспомнился мой недавний сон, в котором я был воином цитадели – крепости древнего города, расположенного в Сарматском лесу двумя тысячами лет ранее.

Это было отнюдь не магическое видение. Резко стало темно. Я увидел цитадель, людей из сна вокруг меня. Трех старцев с бородами, в митрах на головах, в восточных платьях. Во сне, как вспомнилось, я посчитал их парфянами. Они, кстати, весьма смахивали на фигурки, изображенные на браслете.

Галифаб...

Это имя всплыло как воспоминание из сна. Так меня называли.

Никакой магии, но воспоминания, можно сказать, были мистическими. Как я уже упоминал, исконное значение слова «мистика» – это то, что можешь увидеть, закрыв глаза...

...сон, память, предвидение, фантазия.

Создание умом другой реальности, отличной от нашей.

Прошлое, которого уже нет.

Будущее, которого еще нет.

Вымысел, который виден лишь уму.

И второе обстоятельство: вместе с воспоминанием о недавнем сне я вдруг сообразил, что это не в моем сознании стало резко темно, а потухла лампочка в беседке. И не только она. Оглядевшись, мы поняли, что свет отключился во всем дачном кооперативе. В домах по соседству не горели окна. Фонари вдоль улиц тоже погасли. Видимо, осенняя гроза все-таки добралась до трансформаторов, а может повредила провода.

Дождь все еще барабанил по навесу, а мы сидели во мраке.

25

– Отбой, – сказал Санек.

– Саня, тащи генератор! – зычно протрубил Тимур в темноте.

Саня тем временем сходил за рюкзаком и достал оттуда налобный фонарь. Его луч разрезал мрак и вновь стали видны привычные очертания, расстановка тарелок, стаканов и бутылок за столом.

– Никто не расходится. Продолжаем заседание, – сказал Максим, а Санек тем временем повесил фонарь над столом, зацепив за балку под крышей навеса.

– Надеюсь, пока света не было, нас не посетил Фантомас, и не похитил браслет? – спросил Тимур.

Я поднял левую руку и показал, что он все еще на мне.

Мы продолжили обсуждать находку, и среди прочего Санек, да и Тимур, предложили в ближайшие дни, как только закончатся дожди и станет сухо, вернуться в лес на место находки и более тщательно осмотреть окрестности древних склепов. Вдруг что-то еще удастся обнаружить?

Было решено, что в следующие выходные, если погода позволит, отправимся вновь на поиски сокровищ. Вся эта ситуация для нас все еще была необычным приключением. Несмотря на вероятную ценность находки, нас влекло не столько стремление обогатиться, сколько сама идея, подобно Индиане Джонсу, стать искателями древних кладов, добывать ценные артефакты и разгадывать их тайны.

26

Спустя полчаса дали свет. Разгорелись фонари на улицах. В доме и во дворе – напротив окна – стало светло. А вот лампочка под навесом, где мы сидели, так и не зажглась. Санек привстал на стул, открутил плафон, напоминавший стеклянную банку. Он только-то и присвистнул, когда осветил все фонариком и рассмотрел. Лампочка лопнула, а весь патрон практически расплавился.

– Такое впечатление, что молния прямо сюда попала, – прокомментировал он, – первый раз вижу, чтобы от выключения света так плавился патрон...

27

Спустя несколько дней, когда мы увиделись уже в городе, Санек рассказал, что расспрашивал у председателя кооператива, почему во всем «Леске» в пятницу отключилось электричество. Оказывается, его предположение о грозе первоначально разделяли и электрики, приехавшие на вызов: могла ветка или целое дерево в непогоду упасть и разорвать провода, могла молния вывести из строя оборудование. Однако, все оказалось целым и невредимым. По словам электриков, где-то в поселке произошел такой мощный скачок напряжения, что сработал основной автомат и все обесточил.

– Думаю, у кого-то перегорел мощный прибор, – пожал плечами Санек.

– Или лампочка, – предположил я.

– Вряд ли. Если ты про нашу, то обычная лампа в сто ватт на такое не способна. Как она может дать такой скачок, что выбьет пробки во всем кооперативе?

– Не знаю, – кивнул я.

Действительно, я не знал. Я вообще в электрике не очень-то разбирался. Помню, в тот момент, когда свет погас, я всего-то примерял браслет. Может, все просто так совпало.

Глава 3. Хранитель

1

Елена Тимофеевна Котофеева была настоящей примой нашего местного телевидения. В свои тридцать лет она естественно и элегантно, уверенно и убедительно вела вечерние новости на городском телеканале, затем стала звездой утреннего шоу, а в итоге и автором вечерней острой социально-политической передачи, в которой она брала интервью у главных начальников города и региона.

В кресле напротив нее, в свете софитов, полковники полиции и прокуроры, пожарники и депутаты, бизнесмены и главврачи больниц – все превращались в подопытных кроликов. Нет, она не разоблачала и не жгла глаголом, не критиковала и не перебивала собеседников. Просто рядом с ней, уверенной и точной в формулировках, ироничной и глубоко разбирающейся в теме, очень многие почему-то казались растерянными косноязычными дилетантами, а не важными начальниками и ведущими профессионалами в своих сферах. Иногда одной только скептической улыбкой или точным словом она могла выразить свое отношение к словам влиятельного собеседника, при этом внешне сохраняя весьма лояльный тон. И, тем не менее, все стремились попасть в эфир к Котофеевой. Любой чиновник, начиная с определенного уровня, хотел бы стать «Человеком дня». Это переводило его условно на следующий ранг в негласной табели, повышало статус, открывало, казалось, новые перспективы продвижения в социальной иерархии.

Котофеева осознавала свое влияние не только на умы людей, но и на политические процессы в городе. Но, казалось, звездная болезнь к ней не цеплялась: она была все так же демократична, лояльна власти, при том умеренно либеральна и остра. Главными в ее репортажах и интервью были вопросы, действительно интересные людям, что и подкупало. Она считала себя журналистом прогрессивных взглядов. Возможно, так оно и было.

2

В субботу вечером, на следующий день после встречи и посиделок на даче, я включил телевизор, что делал не так часто. Он работал в фоновом режиме, пока я готовил ужин. Пролетнув несколько передач, я дошел до городского канала, где и увидел Елену Котофееву в прямом эфире, которая почему-то была одета не в строгий деловой, а в темно-синий спортивный костюм. В руках она держала репортерский микрофон с эмблемой канала. Да и трансляция велась не из студии, а с поля какого-то мероприятия. Может, какое-то мероприятие в правительстве, или визит важных гостей в наши края? Котофеева что-то увлеченно рассказывала, ни на миг не останавливаясь. Но почему она была в спортивном костюме?

Через пару минут я понял, почему, и о каком мероприятии шла речь.

«Русский мускул» – форум культуристов со всей России и даже извне, был в центре внимания прессы, и не только местного телевидения. Елена Тимофеевна элегантно, но жестко и даже беспощадно отвоевывала локтями пространство перед какими-то подиумами у своих коллег – в кадре мелькали микрофоны всех главных каналов страны. Похоже, событие действительно было крайне значимое. За ее спиной перемещались важные люди в костюмах и галстуках, даже целые делегации. Мелькали обнаженные торсы бодибилдеров в бронзовом гриме. Показали и Турбинского, известного бодибилдера и актера, который ослепительно улыбался навстречу трещащим вспышкам фотокамер.

Котофеева повернулась и что-то ему сказала, помахала рукой. Турбинский подошел к ней и эффектно поцеловал ее руку. Затем указательным пальцем ткнул в сторону камеры и сказал: – Ваш город – просто лучший на Земле!

Затем Турбинского увели в сторону большой сцены какие-то девушки. Там должна была состояться автограф-сессия и премьера его новой книги о бодибилдинге.

Меня вновь посетило чувство, будто я попал в параллельную реальность. В те дни многое из происходившего в городе походило на сон, над сценарием которого работали художники-сюрреалисты.

А в кадре у Котофеевой, тем временем, уже давал интервью новый гость. Это был, судя по всему, какой-то местный чиновник, что рассказывал про грандиозный масштаб мероприятия и уникальную роль нашего правительства в реализации форума именно в нашем городе. Что же такого могло сделать наше правительство, чего не мог сделать ни один другой город, что «Русский мускул» решили провести именно здесь? Хотя зал нашего небольшого Дома культуры и спорта не вмещал и полутора тысяч зрителей, да и других заслуг перед мировым бодибилдингом не припоминалось. Загадка...

В какой-то момент под чиновником, беседующим с Котофеевой, я увидел титр. Оказывается, это был недавно назначенный заместитель председателя правительства по креативным технологиям социального развития, некий Михайлов М.М., о представлении которого давеча рассказывал Максим Иванович.

Значит, технологии социального развития...

Может, наш город выбрали для проведения какого-то социального эксперимента? Где-то я про такое читал. Вот только масштаб эксперимента поражал, если бы это действительно было так. У нас новый проректор по инновациям, в правительстве новый заместитель, в Промышленно-торговой палате новый руководитель – какой-то Вальдемар, по рассказу Тимура. И все откуда-то приехали – как варяги... Впервые тогда в моей голове все эти новые приезжие управленцы связались вместе в единую цепь.

Но пришла тут же мысль: все это, вероятно, сильно притянута за уши. Скорее всего, это не совпадение, а просто новое веяние, такая вот тенденция. И раньше чиновников назначали, переводили по службе, а сейчас каких-то карьеристов, которых буквально клонируют под копирку, выращивают как в инкубаторе, обучают всем этим новым методикам и технологиям, забрасывают потом на разные этажи власти, и они в нее врастают. Въедаются в систему, вгрызаются, меняют ее изнутри. Просто в девяностые всем не до того было, а теперь вот опять системно стали работать. Одно время во власть шли братки, недавно забивавшие стрелки, а теперь вот – новая волна... Несколько позже их, инкубаторских, стали называть технократами.

Пока я был погружен в размышления, на экране появилось знакомое лицо. Это же наш тренер Георгий Дмитриевич, собственной персоной, с невероятной важностью и гордостью рассказывал Елене Котофеевой о достижениях городской школы культуристов! Задрал подбородок и выставив вперед свою бородку-эспаньолку, расправив накачанные плечи, втянув живот, насколько мог, наш Жорж рассуждал о современных спортивных залах, о работе с молодежью и, почему-то, о выведении новых пород лошадей. Читатель может быть положительно уверен, что я не ошибся. Дмитрич действительно проводил выверенную и далеко идущую параллель между выведением лошадей и развитием личности посредством бодибилдинга. Откуда в голове его возникла подобная метафора, сказать я не мог, но поразился, сколь много слов и, несомненно, смысла он в нее вкладывал. Его занимала история выведения пород самых крупных и мощных лошадей, мустангов и лошадей-тяжеловозов. Жорж описывал битюгов и брабансонов, першеронов и бретонцев, миссурийских фокстроттеров и орловских рысаков. Рассуждал с невероятной глубины знанием об их крепких мускулистых шеях, широких, мощных корпусах, спинах средней длины с хорошо развитой мускулатурой, сильных, сухих ногах.

Пару минут спустя я уже хохотал в голос и не мог остановиться. Ибо Жоржа понесло...

Смешно было наблюдать и за тем, как постепенно менялось формой и цветом лицо Котофеевой... Улыбка бледнела, дежурный восторг спадал, стекал будто воск, плавящийся под лучами солнца. Взгляд, напротив, леденел. Она слушала его и, похоже, ждала мгновения, дабы перебить разошедшегося оратора и перехватить слово. Пора было как-то заканчивать с лекцией о лошадях...

Но не тут-то было! Жорж, казалось, не нуждался и в секундной паузе для вдоха – он говорил, как дышал. Он живописал мощные крупы и задние поверхности бедер одних пород, широкие спины, но при этом тонкие ноги и малоразвитые окорока других, крепкие конституции, выдающуюся выносливость, нетребовательность к кормам и невосприимчивость к гнусу – третьих. Современные спортивные залы Жорж почему-то сравнивал с генофондными фермами по разведению лошадей, а у культуристов отмечал схожую с тяжеловозами отличную приспособленность к длительным физическим нагрузкам и хорошую плодовитость.

Каким-то невероятным усилием Елена Тимофеевна все же перебила Георгия Дмитрича. Он осекся, будто бы вышел из транса: посмотрел на нее, а затем в камеру, на оператора, будто сию секунду вспомнил, где он очутился. По крайней мере, так мне показалось: он был неожиданно растерян. И тут же вся его фигура, весь стан и напыщенный вид как-то скукожились, он принял несчастный вид, смутился и отошел в сторону. Котофеева же, надо отдать ей должное, уже что-то тараторила в прямом эфире, как ни в чем не бывало. Шоу продолжалось.

3

В воскресенье мы с Максимом встретились на Платановой. Оттуда, по тропе через лесной массив, спустились к Центральному пруду, где в означенный час Тимур уже начал пробежку. Мы следом, трусцой, без надежд и амбиций за ним угнаться, преодолели свои плановые три круга, после чего занимались на брусках и турниках.

Обсуждали вчерашнее интервью Георгия Дмитриевича, которое он дал вчера Елене Котофеевой. Оказывается, Максим тоже в прямом эфире слушал эту уникальную лекцию про лошадей-тяжеловозов. Он предположил, что Жорж так сильно волновался, оказавшись перед камерой, что просто начал пересказывать какую-то телепередачу про лошадей, которую, наверное, перед этим смотрел, не очень понимая, что и зачем говорит. Как и я, Макс обратил внимание, что Дмитрич в конце будто бы очнулся от наваждения. Тимур тогда шутил:

– Да просто он перед этим пробовал стероиды, наверное, какие-то мощные препараты из Голландии, а может, и из Колумбии подвезли...

– В следующий раз, когда увидимся с ним на тренировке, расспросим, – сказал я.

– Только надо будет поделикатнее, чтобы он совсем не замкнулся... Того и гляди – еще обидится.

– Да уж, думаю, не мы первые его об этом спросим.

Тимур, которому не повезло увидеть интервью тренера воочию, из наших пересказов не до конца понимал, почему мы так смеялись:

– А что, если Жорик наоборот гордится собой? Может, он будет вспоминать и всем рассказывать про свой час славы?

– Да ты бы видел, какую дичь он нес! – покачал головой Макс. – Чистейшую дичь.

4

Вернувшись с пробежки, приняв душ и переодевшись, мы вновь встретились, чтобы съездить в старый центр города, просто прогуляться, зайти в кафе и кое-какие магазины.

Но не проехав и квартала по Платановой в сторону центра, мы неожиданно попали в пробку. Автомобили почти не двигались, будто улица впереди и вовсе была перекрыта. Все чаще недовольно гудели клаксоны, кто-то пытался развернуться на узкой проезжей части.

– Почему мы встали? В воскресенье центр пустой, – покачал головой Максим, а я добавил:

– Смотри-ка, тут и людей на улицах для обычного воскресенья многовато.

Действительно, по тротуарам в большом количестве шагали пешеходы – были среди них семьи с детьми и компании по несколько человек. Двигавшиеся по тротуарам заметно опережали застрявших в пробке автомобилистов. Обыкновенно центр города по воскресеньям практически вымирал: трудовой народ занимался своими делами в спальных районах. Туристы же, как в столицах или курортных городах, в наших краях были редкостью. А сегодня потоки людей и машин, устремленные к площади, заставили нас вспомнить об обещанном концерте, связанном с закрытием форума культуристов.

– Да, сейчас же на площади должен начаться рок-концерт! – вспомнил Тимур. – Давайте свернем в какой-то двор и там бросим тачку, а дальше пойдем пешком.

Я поддержал эту идею:

– Сворачивай, Макс, не то мы и за час не проедем оставшийся квартал. Еще не факт, что сможем где-то там машину припарковать.

Максим свернул в ближайший двор, проехал между кирпичными пятиэтажками, где не сразу нашел свободное место. Все дворы на подъезде к центру города уже были плотно заставлены машинами. Многие парковались во дворах, откуда шли на площадь пешком.

– Судя по всему, в центре будет не протолкнуться, – заметил Тимур, – похоже весь город съехался.

Он оказался недалек от истины.

В переулках и скверах на подходах к площади уже начиналось столпотворение. Какое-то подобие оцепления явно не справлялось: пока полицейские пытались направлять людей к рамкам металлоискателей, большая часть потока обходила их стороной: шли по газонам, сдвигали железные ограждения, рвали цепочки... Местные силы правопорядка явно не были готовы к такому нашествию зрителей. А где-то на площади, тем временем, уже гудело... уханье музыки и какие-то крики доносились до нас, отражаясь от зданий глухим эхом.

– До чего же наш народ падок на замануху, – сказал Макс, – бесплатный концерт объявили, и весь город ломанулся.

– А как же! Хлеба и зрелищ... – сказал я.

5

На сцене выступали местные рокеры. Гитарные рифы жестко причесывали толпу ритмичным хэви-металлом. Над сценой разлетались и вновь сходились лучи прожекторов: зеленые, красные, белые, синие. Когда сумерки сделали небо по-осеннему фиолетовым, к иллюминации подключилось лазерное шоу. Графика пляшущих тонких и ярких линий рассекала пар над головами, вырезала из мглы извилистые силуэты людей и животных. Далее в рисунках угадывались городские шпили и силуэты церквей с куполами, они то разлетались над головой, то вновь собирались в пучок над сценой... В сочетании с мощным звуком это представление завораживало, казалось чем-то магическим.

Толпа внимала ритму музыки и была заморожена лазерной анимацией. Люди, казалось, вошли в унисон, раскачивались и дышали в едином порыве. Это немногим отличалось от древних ритуальных танцев шаманов и колдунов, практиковавшихся некогда для приведения племени в состояние религиозного экстаза. В наше время, благодаря возможностям техники, такая практика вышла на новый, небывалый уровень, которому позавидовали бы и жрецы древних

культов. Пусть культы устарели, и были уже не те, но жрецы – их технологии – похоже, никуда не делись.

Мы двигались в скоплении людей, то и дело встречая в толпе знакомые лица – кого-то с работы, кого-то из соседей (все-таки город наш был небольшим). Мы не собирались приближаться к сцене, напротив. Но людской водоворот закручивал нас в невидимую воронку, в самый эпицентр магического действия.

Многие роптали: Шварценеггер не приехал.

Кто-то в этот слух верил до последнего, но нет... во-первых, величайший культурист современности уже не был стальной машиной. А во-вторых, терминатор стал губернатором Калифорнии и, вестимо, бюрократы Кремниевой долины непустили Арни в наши сарматские степи.

Хедлайнерами концерта, увы, оказались не «AC/DC» или «Judas Priest». После разогрева на сцену вышла отечественная, широко известная в народе группа «Подвалы Лубянки». Некоторые ее песни были тяжелые, тягучие, они напоминали хиты бессмертного Оззи Осборна. Другие в своей поэзии и простоте походили на панк-рок. Третьи же – весьма мелодичные баллады о свободе или безответной любви – были на слуху даже домохозяйек, далеких от тяжелого рока. Но именно такие вещи охотно подхватывали радиостанции, благодаря чему к старой питерской группе в какой-то момент пришло широкое народное признание. Эксцентричный певец «Подвалов Лубянки» по прозвищу Плевок, в кожаном плаще и сапогах, энергично бегал по сцене, то и дело наклонялся, протягивал руку с растопыренными пальцами толпе, и в ответ слышал радостные выкрики. В перерывах между куплетами он всячески заводил площадь: хлопал, прыгал в ритм быстрой песни, сплевывал себе под ноги, оправдывая свое прозвище... Когда группа исполняла свой главный хит – балладу о неразделенной любви, вся площадь в едином порыве подняла руки с зажигалками или фонариками мобильных телефонов, размахивая из стороны в сторону – в ритм мелодии.

Я, хоть и неплохо знал репертуар питерской группы, почему-то не поддержал этот порыв. Да и Макс с Тимуром, стоявшие рядом, не потянулись за своими телефонами. Мне казалось, что мы случайно забрели на чужой праздник. Не потому, что в тот воскресный вечер мы даже не знали о концерте, а оказались здесь волею случая. Складывалось ощущение, что этот праздник, на самом деле, чужой для всех горожан, оказавшихся на площади. Что все это шоу с лазерами и «Подвалами Лубянки», равно как и форум культуристов «Русский мускул» – какое-то чужое, случайно забредшее в наш город шашито. И что главная цель этого бродячего цирка...

...зачем-то, почему-то...

...собрать всех горожан в одну большую толпу. Привести нас на площадь, заставить петь хором и поднимать руку с включенным фонариком под песню, похожую на хиты «Aerosmith» или «Scorpions», но все-таки – «Подвалов Лубянки».

6

Не сговариваясь, что было бы сложно сделать под рев музыки, мы с Максимом и Тимуром все-таки выбирались из эпицентра. А народ тем временем все подтягивался к сцене, толпа занимала теперь не только площадь, но и проезжую часть центральной улицы, и начинавшийся за ней сквер. Конца и края не было видно потоку людей, которые, подобно зомби из старых американских ужастиков, глядели на ядовито-зеленые лучи лазерной графики в небесах. Они медленно, но неотвратно – как под гипнозом – шли в сторону музыки и света. Зеленые, фиолетовые, красные блики скручивались разноцветной спиралью в их зрачках, делали их лица странными, будто спящими с открытыми глазами.

Когда мы уже оказались в некотором отдалении от людского водоворота, где можно было, по крайней мере, идти в потоке, но не проталкиваться во всеобщей давке, музыка стихла – над площадью пролетел последний аккорд.

– Спасибо вам! – закричал солист Плевок в микрофон. – Ээээй, мы обязательно к вам вернемся! До новых встреч!..

Толпа одобрительно загудела, раздались аплодисменты, кто-то засвистел. А тем временем женский голос, усиленный динамиками, стал объявлять благодарности спонсорам за поддержку форума.

Продолжалась официальная часть церемонии, всех призывали не расходиться. Ожидался фейерверк. Мы к тому моменту, хоть и пересекли центральный проспект, и были уже довольно далеко от сцены, не могли не видеть трансляцию. На огромном экране, что был смонтирован над помостом, мелькали кадры роликов, всплывали названия компаний и организаций, выступавших спонсорами «Русского мускула». В один момент я невольно обратил внимание, как на экране стали сменяться кадры с крупными, запряженными в какие-то повозки лошадьми. Последним кадром показали логотип «Племенной конезавод» (название города, обозначенное ниже, было уже не разглядеть за головами) и слоган большими красными буквами: «Лучшие тяжеловозы России». Я сразу вспомнил вчерашний эфир Жоржа и его лекцию о лошадях.

В конце парада из нескольких десятков брендов, многие из которых были всемирно известны, появилась огромная яркая надпись «Промышленно-торговая палата», а следом ведущая пригласила на сцену главу палаты – Вальдемара Богородского собственной персоной.

– Ох ты ж, гляди-ка! – развернулся на месте Тимур, который до того спешил поскорее покинуть толпу. – Это же тот Богородский, у которого я был на собеседовании.

Я и без напоминания сразу понял, о ком шла речь. Мы остановились и вгляделись в огромный экран, который теперь крупным планом показывал лица выступавших на сцене. Камера остановилась на Богородском. Где-то я такую ироничную улыбку встречал, причем совсем недавно... хотя, конечно, я до того не видел его ни разу в жизни. Быть может, он просто походил на известного актера, а скорее кого-то из моих знакомых? Вальдемар Янович взял микрофон, поблагодарил ведущую за приглашение, а всех зрителей за внимание к форуму, после чего начал говорить, в общем-то, дежурные вещи: о столь значимом форуме, проведение которого, безусловно, является прорывом и достижением для нашего города:

– Дорогие друзья! Наш славный город должен стать ключевым центром притяжения для бизнеса, культуры, политики всей страны! Мы должны сделать такие форумы и мероприятия обычным делом – привлекать инвестиции, приводить в город лучшие бизнес-проекты! Ведущие российские и мировые бренды должны быть представлены у нас, а наши бизнесмены со своим продуктом – выйти на мировой уровень качества и узнаваемости! И все это сделает наш город богатым! Подарит всем вам шанс! Мы станем флагманом развития! И Промышленно-торговая палата, которую я имею честь представлять, станет точкой сборки наших новых побед и достижений!

Речь Богородского начиналась вкрадчиво, но уверенно. Голос его был весьма приятным и спокойным, внушал доверие. Он умело, как опытный оратор, усиливал эмоции, незаметно повышал тембр. Даже гулкий, разлетающийся эхом над головами десятков тысяч горожан, он все равно казался четким и уверенным, проникал в каждого из собравшихся. Во время его речи все вокруг притихли: люди не шумели, никто поблизости не болтал и не отвлекался. Всякий внимательно ловил слова и, по моим наблюдениям за случайными зеваками, окружавшими нас в ту минуту, слушал с удовольствием и даже воодушевлением.

– Вот так же пафосно он и мне излагал, когда мы встречались, – заметил Тимур, – гладко стелет.

– Не говори. Ему в политики бы надо идти, – согласился я.

– Пойдет. Не сомневайся, – услышал меня Максим, – неделю как приехал к нам, а речи уже толкает – как настоящие кавказские тосты!

Максим Иванович это точно подметил. Идеальным завершением такого выступления были бы слова «Так выпьем же за Промышленно-торговую палату!».

В общей сложности минут десять Вальдемар что-то говорил в микрофон внимавшим горожанам. Он обещал удивительные свершения и новые проекты. Сказал, что уже в самом скором времени весь город и каждый горожанин – любой без исключения – станет участником нового будущего, которое должно быть построено всеми нами вместе, общими усилиями. И что-то еще, и еще – все в таком духе. Удивительно амбициозные планы Богородского в целом меня не удивляли – чиновники и политики в последнее время взяли моду на подобные эскапады. Другое дело, что толпа, внемлющая этой речи, казалось, на наших глазах преображалась. Люди со стороны выглядели встревоженно-возбужденными, создавалось впечатление, будто этот выскочка – опытный гипнотизер, который своим спокойным и размеренным голосом, манипуляцией ритмом, тембром, интонацией, способен им внушить что угодно. Подумалось, что если бы этот новый амбассадор большого бизнеса завтра открыл у нас финансовую пирамиду, то тысячи из стоящих сегодня тут, ни минуты не сомневаясь, отнесли бы ему свои последние деньги. А если бы предложил купить уникальную шубу по выгодной цене, то шубы точно закончились бы много раньше, чем иссякнут покупатели.

– Пойдем, – сказал Тимур.

– Не пойдешь к нему работать? – спросил я.

– Не думаю.

Мы отвернулись от экрана и пошли в глубину сквера, туда, где за деревьями уже не было видно сцены и большого экрана над ней. Отблески прожекторов плясали в ночном небе. Людей вокруг было все еще много – заметно больше, чем бывало обычно на День Победы или День города. Казалось, лишь мы одни удалялись от эпицентра событий. Остальные продолжали в разном темпе идти на голос, усиленного динамиками, в сторону яркой иллюминации. Будто там был мощный магнит.

Когда мы миновали пару кварталов и за спиной остался только отрывистый гул, а людской поток навстречу нам иссяк, Максим предложил остановиться и перекурить. Мы оказались как раз у одного из корпусов университета, в котором недавно учились, а я теперь еще и работал.

Сели на скамейку. Собственно, закурил только Максим. Тимур уже уткнулся в свой смартфон и с кем-то переписывался. А я посмотрел на небо. Тучи впервые за неделю совсем рассеялись, открыв звезды. Семидневка дождей, пасмурных дней, туманов, даже гроз, как казалось, была неимоверно долгой.

– Здравствуй, новый дивный мир, – сказал Максим, выпустив изо рта ровное кольцо дыма.

– Это ты про Богородского? – уточнил я.

– Да. Пришло время руководителей новой формации. И не думаю, что с ними будет лучше, чем со старыми.

– Интересно, что он имел в виду, обещая в ближайшее время какие-то удивительные новости? Для всех и каждого без исключения?

Макс только усмехнулся и пожал плечами.

Ответом на мои слова стали долетевшие до нас с площади разрывы фейерверков. Мощные взрывы каждого залпа гулко отражались от фасадов зданий, эхо оседало в закоулках. А над крышами и кронами деревьев вспыхивали и рассеивались в ночном небе разноцветные отблески салюта. Стреляли долго, и все мощнее и чаще.

Когда канонада стихла, небо заволокло сизое пороховое облако.

Дым накрыл весь центр города.

7

Алла Николаевна Померанцева была женщиной влиятельной. Ее влияние распространялось не только на семью, друзей или соседей по подъезду во дворе старого добротного сталинского дома, в котором она проживала. Она была влиятельна в городской, а точнее, даже в региональной политике. Померанцева возглавляла целое правовое управление в правительстве. В иерархии властных коридоров она сидела двумя этажами выше Максима Ивановича. Была на короткой ноге с прокурором и судьями, с мэром и головой местной Думы. Говорят, была вхожа без особенных условностей и к тогдашнему нашему губернатору, сохранив дружбу еще с комсомольских времен. Она поддерживала искренние связи с владыкой-митрополитом и была человеком набожным, возможно, как показали дальнейшие события, даже верующим. Словом, как я уже сообщил выше – Алла Николаевна была женщиной влиятельной.

Возраст ее много лет как замер на условных пятидесяти. Она успешно взрастила сына, делавшего, как положено, успехи в муниципальных органах власти. На работу ее привозил служебный «лэнд-крузер» черного цвета – но не из дома, а сразу из салона красоты, где ей каждое утро делали укладку на новый день.

Алла Николаевна Померанцева коллегами по службе считалась высочайшим моральным ориентиром, можно сказать – камертоном, блюстителем нравственности и этическим ментором. Конечно, нельзя сказать, что кто-то из коллег ее боялся, да и с чего бы чиновнику в благочестивом Отечестве нашем было отчего-то бояться добродетельную женщину? Уж на морально-этическом поприще-то? Но все же многие ее опасались. Опасались ее замечаний, ее недовольства, ее укоризны. Хотели почему-то соответствовать ее по-матерински доброму, но строгому стандарту. Касалось это не только рядовых клерков в правительстве, но даже министров или глав управлений.

Фразу «не нравится мне все это, ох не нравится» знали все ее коллеги. Такие слова являлись тревожной красной лампочкой, сигнализирующей о нравственной угрозе. Если Алле Николаевне вдруг что-то не нравилось, это обычно становилось уже не ее проблемой. Это становилось проблемой всеобщей нравственности. Ну, или чьей-то безнравственности. Источник же того, что не нравилось Померанцевой, попадал в ситуацию сложную, если не сказать критическую. С этого момента и до полного восстановления нравственности никто, даже губернатор, не мог бы восстать против крестового похода Аллы Николаевны. Таковы были негласно сложившиеся моральные установления в правительстве.

8

В приснопамятный день концерта на центральной площади Алла Николаевна Померанцева раза три или четыре сказала свои сигнальные слова «не нравится мне все это, ох не нравится». Ситуация в ее глазах приобретала экстраординарный характер.

Аллы Николаевны, разумеется, не было на площади. Не в толчее людей, подпевавших Плевку. Она наблюдала за сим похабным зрелищем из окна правительственного кабинета, откуда, несмотря на задние виды Ильича, вся площадь была как на ладони. Настолько возбудили ее дурные предчувствия, что в тот воскресный день, вместо того, чтобы испечь пирог, или с любимым лабрадором и любимым мужем (точно в такой последовательности) погулять тихим парком, она прибыла на работу и сквозь жалюзи глядела на людское море, заполнившее весь центр и прилегающие к площади улицы и проулки. Она смотрела на обнаженных перекачанных мужиков в бронзовом гриме, подолгу позировавших и демонстрировавших свои блестящие мускулы на радость публике. Огромный экран над сценой увеличивал сие безобразие многократно. За мужиками следовали и девки, в еще более бесстыжих купальниках-ниточках,

так же накачанные и натертые позолотой. Вся эта античная вакханалия Алле Николаевне ох как не нравилась.

За сим последовали какие-то вульгарные танцы, тоже далекие своим содержанием и формой от нравственных идеалов целомудрия, какими их знала Померанцева. Это вам и не фольклор, и не балет, а черт знает что!

– Тьфу, погань какая! – Алла Николаевна так расстроилась, что не сдержалась, достала пепельницу и закурила длинную тонкую сигарету. Свет в кабинете был выключен и дым, уходя под потолок, медленно заполнял сумерки серым маревом.

После танцев начался металлический шабаш, окна задрезжали от басов. Пришлось плотно закрыть створку, но гул проходил и через тройное стекло. «Подвалы Лубянки» гремели на фоне каких-то несуразных клипов с вампирами, пьющими кровь, сатанистами, переворачивающими распятия, танцами женоподобных мужчин и мужеподобных женщин.

Словом, сплошное непотребство!

Гул, мелькание прожекторов и лазерных лучей добавили к возмущению Аллы Николаевны легкую мигрень. Давление, судя по всему, ползло вверх.

«Не нравится мне все это, ох не нравится».

Что делать... она открыла большой железный сейф и достала оттуда бутылку дорогого армянского коньяку. Наполнила бокал почти наполовину и, почти не смакуя вкус изысканного напитка, вылила в горло.

Через пару минут стало легче. Но не совсем. Действо на площади ей все еще не нравилось. Очень не нравилось.

Так Алла Николаевна и сидела в темном уже кабинете, а за окнами все грохотали «Подвалы Лубянки». И лишь когда грязные рокеры стихли, а слово взяла ведущая концерта, Алла Николаевна подошла к окну и открыла раму, чтобы послушать, о чем будет идти речь. Особенно слух ее обострился, когда к микрофону подошел Богородский. Ей уже доложили, кто он таков, но лично с ним Померанцевой познакомиться еще не довелось. Она вообще не понимала, откуда и зачем здесь появляются эти люди, но знала, что стоят за ними силы столь влиятельные, что лучше пока об этом и не думать. Откуда берутся, туда и вернутся, надо полагать. И здесь она, даже в своем кабинете, даже глухим стенам, не решилась посетовать, насколько ей все это не нравится.

Она слушала речь Богородского с нескрываемым интересом, но полные губы ее были практически все это время перекошены. Что он такое говорил? Кем он себя возомнил? Губернатором, мэром, а может и полпредом президента? Все это казалось Померанцевой странным и непонятным. А когда что-то было ей непонятно, это ей сильно не нравилось. И тут уж вопрос стоял не о нравственности, а о собственной власти – ведь Алла Николаевна всегда и все про всех знала. Возможно, это было главной ее добродетелью, в этом заключался секрет ее политического долголетия и скрытого влияния в коридорах правительства. И если вдруг что-то происходило само по себе, без явных на то причин или без видимых предпосылок, это уже означало, что контроль может быть упущен. В мозгу загоралась красная лампочка.

«Не нравится мне все это, ох не нравится».

А тут еще в конце своего выступления этот холеный выскочка с манерной бородкой пообещал вскоре удивить весь город какой-то премьерой для каждого горожанина, что, дескать, вместе они начнут строить какое-то новое будущее.

Зрела какая-то афера? И без ведома Аллы Николаевны! Она испытывала легкий страх и, в то же время, яростное возбуждение и негодование. В ее голове соткался план – завтра же вонзить свои разведывательные когти в эту его Промышленно-торговую палату и разузнать, что за козни зревают в ее недрах. Такая активность явно не была случайной. Одна организация такого фестиваля стоила немало! А тут еще Михайлов, которого Москва командировала в правительство, включился активно во все эти проекты...

И что более всего смущало Померанцеву в ее тревогах, так это реакция толпы. Простые люди рукоплескали концерту, стояли и слушали какого-то проходимца, им все это нравилось. Они, как ей казалось, благоговели! Массы людей, как выяснилось, легко можно было согнать в самый центр, показать им похабное шоу и заполучить их расположение. Но кто собирает плоды этого расположения? Кто поведет их дальше, а главное – куда?

Все эти мысли лихо и быстро закручивались в крутую спираль под высокой прической Аллы Николаевны, а тем временем в дверь ее постучали. Стук был специальный: два раза быстро, затем три – уже медленнее.

Она прокрутила вставленный изнутри ключ, открыла дверь и впустила в кабинет невысокого кряжистого мужчину.

– Думала, уже не придешь!

– Да я и доехать-то не смог сюда, пришлось оставить машину в трех кварталах! Шел пешком, все проклял... Люди, люди, везде люди, все как очертенели, идут и идут толпой к площади. А еще – кордоны полицейских тут и там, из-за них только давка... словом... – запыхавшийся субъект не договорил и плюхнулся на диван. Оттуда потянулся к журнальному столику, где все еще стоял коньяк.

Вечерний посетитель кабинета Померанцевой был не кто иной, как депутат Сергей Станиславович Черный. Раскрою тайну: он состоял в порочной связи с Аллой Николаевной, проще сказать – был ее любовником.

Министром, а затем и депутатом – главой думского комитета, стал он во многом не без помощи столь влиятельной женщины, которая вообще способна была определять карьеры и судьбы многих в их дерзновениях к власти. А связь их была сколь порочна, столь и чиста. Черный помогал Померанцевой в разных делах, был ее глазами и ушами в Думе. У него самого так же много было контактов в самых разных учреждениях и организациях, которые позволяли ему, когда нужно, решать вопросы, а когда нужно – получать ценные сведения о любых процессах в жизни города и всего края.

– Ты пропустил очень интересное выступление. На сцене был Богородский – тот самый, что возглавил неделю назад Промышленную палату, сказала Алла Николаевна.

– Тебе он понравился?

– Нет. Мне вообще все это не нравится.

– Ну что ж, надо будет поподробнее разузнать, что это за фрукт такой, и с какого дерева он на нас свалился.

– Я о том же думала. Надо не только понять, кто за ним стоит, но и каковы его планы. Их планы... За что я люблю тебя, Сереженька, так это за твою проницательность. Ты всегда понимаешь, чего я хочу, о чем думаю.

И Алла Николаевна Померанцева вдруг лихо и грациозно упала прямо на своего гостя, вдавив его буквально в мягкость кожаного дивана всей своей внушительной фигурой. Тот лишь коньячный бокал успел вернуть на столик, как был охвачен страстью измученной женщины, вынужденной до того взирать на эти непотребства, развернувшиеся прямо за окном ее кабинета...

А за окном, тем временем, раздались взрывы – отблески салюта озарили полумрак кабинета. Свистела и охала многочисленная толпа на площади, но Алле Николаевне уже не было дела до этих жалких людишек.

9

Начавшаяся неделя принесла некоторое улучшение погоды: дожди на какое-то время прекратились, и даже солнце иногда робко выглядывало из-за туч. Но летнее тепло не спешило возвращаться. Было зябко, ветрено, не по-сентябрьски холодно.

На тренировке мы встретились с Георгием Дмитриевичем. Теперь он держался как-то по-новому. Не скажу даже, что в его жестах или словах, в расправленных плечах, была какая-то излишняя важность или значимость. Он, напротив, стал спокойнее и даже ироничнее, нежели раньше. Будто бы он был посвящен в определенные круги, а оттого должен был казаться умудренным и солидным.

Все, не только мы, расспрашивали его о прошедшем форуме культуристов. Жорж отвечал в меру скупно. Но далеко не всем, как я понял, повезло увидеть его прямой эфир с Котофеевой. А именно о нем хотелось расспросить Дмитрича поподробнее. И делать это следовало, разумеется, со всей деликатностью и уважением. Когда мы с Максимом разговорили Жоржа, я спросил, каково давать интервью в прямом эфире, и доводилось ли ему раньше выступать по телевидению? К нашему удивлению выяснилось, что Жорж весьма смутно помнил этот эпизод. Он вполне искренне поднимал брови, загадочно улыбался, слыша наши вопросы.

– Как, неужели вы не помните, как это было?

– В прямом эфире? – недоумевал Жорж. – Разве там были камеры? Да, возможно подходила ко мне журналистка, и кажется я действительно с ней побеседовал. Рассказал о форуме. Но про прямой эфир – не припоминаю.

– Я сам смотрел на вас в тот день. По городскому каналу шла прямая трансляция. Вы были как всегда красноречивы и импозантны! – польстил я тренеру. Тот в ответ лишь пожимал плечами.

– И не помните, о чем ей рассказывали? – удивлялся Макс.

– Да что я мог ей рассказать? Про наш клуб, про то, что ребята, такие как вы, вместо того чтобы пиво пить, или наркоту употреблять, ведут здоровый образ жизни. Короче, про общефизическое развитие.

Мы с Максимом переглядывались, сдерживая улыбки. А Жорж продолжал:

– Если честно, мне тогда так запудрили мозги, за весь день со столькими общался... Особенно эти конезаводчики!

– Какие еще конезаводчики? – спросил Макс.

– Да самые натуральные. С какого-то ведущего конезавода. Разводчики тяжеловозов, битюгов каких-то. Они меня в свой павильон затащили и битый час мне голову морочили. Все хотели, чтобы я с ними контракт подписал – рекламировал их конезавод.

– А они-то как с культуристами связаны?

– Они у себя в городе, не помню где, хотят большой зал открыть, – ответил Жорж, – и меня звали его возглавить. Но я отказал. Куда мне уже путешествовать?

Как я понял из дальнейшего рассказа Георгия Дмитриевича, у них работает завод кормов – каких-то белковых смесей для лошадей, на которых тяжеловозы быстро набирают мышечную массу. Так вот, эти конезаводчики хотят расширять производство, чтобы параллельно и для качков протеины выпускать. Говорят, мол, суть та же самая, только дозы разные и вкусовые добавки свои. Что качкам можно и ванильные, и шоколадные, и банановые протеины продавать. А лошадям такой ассортимент без надобности. Видимо, здесь Жорж стал их мишенью – как подходящее лицо рекламной кампании по продвижению новой линейки протеинов.

– Чтобы отстали, пришлось мне даже выпить их экспериментальных протеинов, – посетовал Жорж, поморщившись. – А что было делать? Вкус – дрянь, конечно: жутко приторное какао, аж булькало у меня потом внутри весь день...

Это многое объясняло. Видимо, сомнительный лошадиный порошок для набора массы сильно ударил в голову нашему тренеру, да так, что до сих пор он практически не помнил, о чем так увлеченно рассказывал Елене Котофеевой. А уж рассказ про лошадей-тяжеловозов под дурманом экспериментальных протеинов был неизбежным следствием дегустации.

Жорж тем временем сменил тему разговора. Он, в целом, совершенно был доволен и форумом, и собой, и даже интересом со стороны конезаводчиков. Затянули пояса и приступили к становой тяге.

10

Я всегда любил историю, с интересом относился к старине и теперь, конечно, самостоятельно став участником археологического расследования, постоянно размышлял о находке, о странных совпадениях и событиях, которые ее сопровождали. Почти каждый вечер я садился за компьютер, просматривал в интернете статьи, фотографии, отчеты и исторические справочники, пытался обнаружить какие-то сходства с изображениями на найденном нами браслете.

Фотографии браслета я закачал с телефона в свой компьютер, а затем, максимально увеличив, распечатал изображения на нескольких страницах. Получились полноценные рисунки: все фигуры и колышки-надписи были видны весьма отчетливо. Я их рассматривал так долго, что они стали возникать перед моим взором, даже когда я закрывал глаза.

В сети таких же, либо максимально похожих рисунков я не обнаруживал, однако по всему выходило, что клинопись, да и сам стиль картинок, относились к Древнему Вавилону. Я прочитал, что большая часть подобных клинописных систем восходила к шумерской культуре, а в поздней бронзе и античности существовали разновидности, внешне похожие на аккадскую клинопись: угаритское и кипро-минойское письмо, персидская клинопись. Все они были схожими, но на мой дилетантский взгляд знаки и колышки на браслете были идентичны начертаниям на глиняных табличках Вавилона и Месопотамии. Их изображения можно было в большом количестве найти как в интернете, так и в учебниках по истории Древнего мира.

11

При первой возможности я вновь встретился с Васильковым. На сей раз этот франт был одет в светлый костюм при ярком лимонно-желтом галстуке. Он сидел на кафедре, пил черный кофий и следил за парой двоечников, явившихся на пересдачу экзамена, чтобы те не списали откуда-то правильные ответы.

Когда я разложил перед ним распечатки фотографий с рисунками, он заметно оживился, но несколько минут не произносил ни слова, только лишь перетасовывал перед собой листы, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Затем спросил:

– А что за артефакт здесь изображен, коллега?

Разумеется, я ждал такого вопроса и имел на этот случай заранее продуманную домашнюю заготовку. Хотя, как показалось, мой ответ все равно не прозвучал для Василькова убедительно.

– На одном форуме в интернете наткнулся... Там спорят, что это за рисунки. Кто-то выложил как загадку: какие исторические или мифологические события изображены на браслете? Ну и разгорелся спор – никто до сих пор так и не дал точный ответ, версий много. Что-то, по-моему, с Вавилоном связано, судя по клинописи. Но шумерских или других легенд Древнего Междуречья, близких по содержанию к рисункам, я не обнаружил.

– И поэтому, молодой человек, вы обратились ко мне, – подозрительность Владимира Николаевича сменилась улыбкой. Ему явно льстила ситуация, в которой я нуждался в его экспертной помощи. Впрочем, ему еще предстояло сказать свое веское слово – действительно ли он сможет сообщить про данный ребус что-то новое, благодаря чему мы поймем происхождение и назначение браслета.

Он еще раз внимательно посмотрел на распечатки:

– Во-первых, друг мой, вы совершили ошибку, пусть и простительную для неспециалиста. Я говорю о клинописи. Она, хотя и довольно похожа на древне-шумерскую – но все же – таковой не является.

Васильков, как оказалось, действительно разбирался в предмете.

– Я, видите ли, когда-то интересовался данной темой, к тому же изучал Древний Вавилон. И почти уверен, что перед нами не шумерская, а древнеперсидская клинопись. Она возникла позже – вероятно, в шестом веке до нашей эры, и была создана искусственно. Это совершенно оригинальная письменность. Да, при создании новой письменности за основу была взята шумеро-аккадская система. Именно поэтому внешне они очень схожи для стороннего человека, не понимающего ни одного из этих писмен. Представьте такое: если папуасу, не знающему ни одной буквы, показать сначала страницу английского текста, а затем – страницу русского текста. Он вряд ли заподозрит, что перед ним два совершенно разных языка, а наскоро решит, что это – одно и то же письмо. Ведь и впрямь – кириллица и латиница имеют схожую структуру словообразования из букв, разделение на гласные и согласные, в конце концов – в этих двух алфавитах большинство букв одни и те же! Однако, языки разные, как и системы письма. Так и здесь: некоторое сходство между знаками древнеперсидской и аккадской клинописи есть, но все же, я практически уверен, что перед нами именно древнеперсидский текст.

Васильков сделал паузу, ожидая какой-то реакции с моей стороны, но так как ее не последовало, вдруг, словно опомнившись и искренне произнес:

– Дорогой коллега, надеюсь, вы не приняли на свой счет мой пример с папуасом. Поверьте, я не хотел бы вас этим обидеть!

Я слушал Василькова с большим интересом и, разумеется, совсем не думал оскорбляться его снисходительному тону, напротив – я был рад, что он и впрямь оказался сведущ в этом вопросе. Я был не против роли дилетанта (каковым я и являлся), эдакого недалекого Ватсона при Шерлоке Холмсе, лишь бы он продолжал свою лекцию и сообщил новые для меня сведения.

– Нет, конечно, Владимир Николаевич, что вы! Очень интересно, продолжайте, – ответил я.

Но в этот момент его взгляд скользнул куда-то в сторону, на одного из списывавших студентов.

– Господин скубент! – прокричал он вдруг так, что даже я невольно вздрогнул, ощутив рудиментарный страх перед преподавательским гневом. Несчастный, готовившийся к передаче, зримо подскочил, как от укола в чресла. С его колен на пол вывалился какой-то ворох мелких бумажек. Васильков закатил глаза вверх и с театральным отчаянием проговорил:

– Ну чем же, чем же я так вам понравился, что вы жаждете все новых и новых встреч со мною и не хотите, чтобы сегодняшняя стала последней! Поверьте, ваши чувства совсем не взаимны! Но вы не оставляете мне выбора... Придется вам прийти на очередную пересдачу.

Повисла гнетущая пауза. Несчастный двоечник все еще не понял, есть ли у него шанс на спасение, или это уже полное фиаско, и его выставляют за дверь. Но, спустя несколько секунд, Васильков вдруг смилостивился:

– Пишите, пишите... Откуда бы вы не списали, ваши пустые мозги таковыми и останутся.

Я молча и с некоторой неловкостью выслушивал всю эту педагогическую репризу. Наконец, Владимир Николаевич обратился ко мне, и мы вернулись к вопросу, по-настоящему затронувшему его профессиональный интерес:

– В общем, друг мой, эта письменность и, думаю, сюжетные изображения, как-то связаны с мифологией Ахеменидской державы, либо же возникшего позднее Парфянского царства.

Меня не покидало чувство, похожее на *deja-vu*. Словно не так давно я с кем-то уже обсуждал Парфию, или же что-то читал о ней. Но мысль эта от меня ускользала, стоило мне хоть немного сузить фокус собственной памяти. Где и что, а главное – от кого я мог слышать что-

то про древнеиранскую историю, я решительно не помнил. Признаться честно, при всей моей любви к истории, познания мои о древнем мире были невелики и фрагментарны. К своему стыду я вообще практически ничего до сего момента не знал о Парфии, кроме самого этого названия и примерных веков существования этой державы. Так почему же мне не давали покоя воспоминания, погребенные где-то очень глубоко? Наверное, именно потому, что я не способен был их извлечь из толщи своей памяти, и даже какой-то ниточки к ним протянуть я был не в состоянии. Я спросил у Василькова:

– А каком же мифе или легенде тут идет речь? Нет ли у вас мыслей по этому поводу? Сказать по правде, я не знаток персидской истории.

– Увы, но даже я не такой знаток, чтобы сходу дать вам ответ, – усмехнулся Васильков, – но загадка действительно интересная. У нас в городе специалистов по такому письму и Древнему Ирану вы не найдете. Потому, что их – нет. Боюсь, их во всей нашей стране не так много и можно пересчитать по пальцам. Но если вы оставите мне эти листы, то я возьму их домой, где у меня сохранилась, надеюсь, одна любопытная монография. Не обещаю вам, что будет результат, но постараться перевести несколько слов я бы мог. А вдруг это чьи-то имена? Богов или царей? Сидящий на троне, возможно – Шамаш. Позднее так изображали Митру в Иране. Ну и по мифологии я также смогу пробежаться, чтобы освежить в памяти связанные с ними легенды.

– Конечно, Владимир Николаевич, забирайте, – согласился я, – буду рад, если вы найдете хоть что-то...

– И еще, коллега. Попрошу вас о малом, – и Васильков хитро прищурился, – если вам досрочно станет известен ответ, не спешите мне его сообщать. Хотелось бы теперь самому – можно сказать, из спортивного интереса – расшифровать эту загадку!

12

А вечером, после беседы с Васильковым, мы виделись с Лехой. У него, благодаря холодным и сырым погодам, стоявшим всю прошлую неделю, наконец прошла аллергия. Амброзия отцвела, а пыльца была прибита к земле и унесена дождями в жерла ливневок и канализационных коллекторов.

С Лехой Кириченко судьба свела меня в старших классах школы, где наше соседство за одной партией переросло в дружбу, продолжившуюся в пору институтской учебы и после нее. Леха пошел учиться на инженера, я на юриста. У него были мозги технаря, у меня – гуманитария. Так и дружили.

13

Встретившись на улице Платановой, где наши дома стояли по соседству, мы с Лехой направились по обыкновению в центр – прогуляться по скверу, что раскинулся вокруг городского театра.

Этот сквер был не так велик – в общей сложности он занимал один квартал в стороне от центральной площади. В годы войны на этом месте не было еще ни театра, ни дома правительства, ни сквера. Был протяженный через весь центр пустырь. Пленные немцы в сороковые годы построили по соседству добротные дома из желтого камня в стиле сталинского ампира. А студенты местных институтов, отряженные в помощь «горзеленстрою», разбили тут дендропарк. Теперь немногие знают, что зеленый остров в центре города – не просто сквер, изрезанный диагональными аллеями, а настоящий дендрарий. Грузовиками сюда привозили сотни тонн плодородной почвы, после чего укореняли в ней молодые саженцы американских и канадских

кленов, сибирских лиственниц и немецких платанов. Каждое дерево имело свою историю и особую породу: ель колючая, сосна китайская, дуб черешневый.

Мы с Лехой частенько бродили тут – прячась ли от летнего зноя, или встречая новогодние оттепели и любуясь зеленой травкой газонов, когда по всем приличиям положено было звенеть крещенским морозам. Бывало, что к нам приставали менты, спрашивая паспорта, бывало алконавты, спрашивая деньги на дозаправку. Но в целом, место было культурное и в известной степени возвышенное. По звонким голосам мы уже отличали филинов и сов, что вечерами кричали в густых кронах разномастных деревьев. Эти дикие хищники облюбовали сквер, так как охотились за летучими мышами, в избытке гнездившимися под сводами городского театра.

14

Пока гуляли, я рассказал Лехе про встречу на даче, которую он пропустил. Упомянул и про отключение света, и про недавние разговоры с Васильковым. Показалось, он слушал без большого интереса – курил, выпускал дым в воздух, смотрел куда-то вдаль, словно через предметы.

– Что молчишь? Думаешь, все это пустое? – спросил я наконец-то, ожидая хоть какой-то реакции. Черт его знает, может до сих пор о своей бензопиле думает?

– Нет, не пустое, – ответил мне Леха, а после некоторой паузы добавил, – но странное.

– Странное, – согласился я, – тут ты прав.

Неспешно мы продолжали прогулку по аллеям, освещенным красноватым светом фонарей.

– Помнишь, лет пять-шесть назад я несколько раз ездил в горы? – вдруг спросил Леха.

– Я и тебя тогда звал с собой, но ты так и не сподобился.

– В какую-то хижину лесника?

– Да. В поселке Лесная Кяфарь был дом моего знакомого, где он не жил и сам появлялся крайне редко. Настоящий сруб в лесной деревушке посреди кавказских гор. Это место находится недалеко от древнего аланского городища, где сохранились тысячелетние храмы. На пути в Архыз.

– Припоминаю, – кивнул я в ответ. Нижний Архыз, в отличие от Лесной Кяфари, я знал хорошо.

– Конечно, там было не так комфортно, как в гостинице. Никаких благ цивилизации: деревянный домик с печкой, вода из колодца, дрова надо было колоть на всю ночь, чтобы топить печь и прогревать дом. А ночи там, в горах, довольно холодные – даже летом температура могла опускаться чуть ли не до нуля, сам знаешь. В общем, дикий отдых. Примерно, как с палаткой идти в горы. Дом, конечно, лучше палатки – можно посидеть у печки как у камина, да и толстые бревенчатые стены лучше защитят от медведя, пришедшего на запах твоего ужина. А медведи там водятся, и их довольно много.

– Точно! Теперь я вспомнил, почему так с тобой и не поехал, – отшутился я.

– Уже не важно. Это все в данном случае не так важно, но я вспомнил про то городище не просто так, – сообщил он.

Я кивнул. Не важно, что ж, значит – не важно. Леха закурил новую сигарету и продолжил:

– Я об этом тебе не рассказывал тогда. И вообще никому не рассказывал. Не знаю, будешь ли ты смеяться, но мне, в общем-то, все равно.

– Может и не буду, – вставил я.

– Ты вот сам сейчас столкнулся с чем-то странным. Может, поэтому и поймешь меня. Так вот, в те поездки я как раз отправлялся к дольменам на это городище. Там сохранились развалины, но оставленные явно не аланами. Как мне кажется, они значительно древнее. И эти дольмены – как утверждают наши историки – чьи-то могилы, как и захоронения в нашем

лесу... Но я думаю, что это не захоронения. Это какие-то культовые сооружения. Просто наши археологи ничего лучше не смогли выдумать, вот и сказали, что это просто склепы.

– А может, все в чем-то правы: это могли быть более древние сооружения, которые позднее аланы использовали для захоронений?

Леха не стал спорить. Казалось, ему надо было выговориться, сообщить мне нечто важное. Он вообще не часто бывал столь многословен, как теперь.

– Возможно, – кивнул он, – как бы то ни было, я много дней там проводил. Бродил среди этих заброшенных дольменов. На том месте когда-то был очень большой древний город, и следы его в лесу разбросаны на десятки квадратных километров. Кяфарское городище по площади еще больше нашего Сарматского. Да и склепов у нас тут не так много, от цитадели остались только земляные валы. А там крепостные стены из камня сохранились, фундаменты строений, дольмены. Там же в горах вокруг везде скалы – камня очень много, а поэтому все из него и строилось. Одним словом, там не нужно сильно напрягать воображение, чтобы этот город представить, его следы – повсюду. Я бывал там подолгу, ходил один по развалинам. Только белки, кабаны, птицы были в лесу вокруг. Но я встречал там кое-кого еще. Не знаю, кто это был, но точно не человек. И не животное...

– О чем ты говоришь? О ком, точнее? – не выдержал я.

– Я сам не знаю, – развел руками Леха.

– Если не человек и не животное, то что? Гриб? – спросил я уже с некоторым скепсисом.

– Нет, – Леха не заметил моего сарказма, а скорее просто пропустил мимо ушей, – понимаешь, ты можешь посмеяться надо мной. Возможно, не поверишь, скажешь, мне приснилось. Или что я выпил тогда много...

– Да нет, Леха, не буду я смеяться. Рассказывай, что это было?

– Не знаю, еще раз говорю.

– Так хотя бы опиши.

– Ну, это существо – как человек, только маленький. Очень маленький. Не карлик и не ребенок, понимаешь? И он был какой-то никакой.

– Что значит – никакой? И насколько маленький?

– Ростом как ребенок, но не ребенок. Фигура такая широкая, взрослая, кажется, даже борода была...

– Как гном что ли? – предположил я.

– Ну да, невысокий совсем... никаким он был в том смысле, что лица его никак не было видно. Он весь был полупрозрачный, цветом сливался с деревом, с коричневым стволом, рядом с которым стоял. И лицо, как бы тебе описать... оно было – я чувствовал взгляд, выражение – в целом доброе и как бы улыбочное. Но я его не видел при этом! Чувствовал, но не видел. Он как будто мне просто показался, чтобы что-то сказать, и дал понять, что настроен дружелюбно. Не опасен, то есть. Я это сразу ощутил и совсем не испугался. Но рта у него не было, и лица в целом видно не было! А улыбку я почувствовал. Я до сих пор, спустя много лет, вспоминаю этот момент, и задаюсь вопросом: чем он улыбался безо рта-то? Безо рта как улыбнуться можно? А он улыбнулся мне – и мне тут же стало спокойно на душе, легко: знаешь, такое чувство облегчения, когда знакомого человека встретишь. И я сразу понял, что знаком с ним был уже давно, как будто это какой-то мой дальний родственник, только я его в этой жизни не встречал еще. А тут взял – и встретил.

Мы присели на свободную скамейку под раскидистой сосной. Леха на пару минут сделал паузу, выдохнул. Достал из пачки очередную сигарету.

– Что-то ты много куришь. Одну за одной, – заметил я. А самому-то мне стало не по себе от его рассказа. С одной стороны, принять на веру все его слова было непросто. С другой, знал я его давно и склонности к сочинительству, равно как к шизофрении, у него не наблюдалось. Да и рассказ явно давался ему непросто. Он подбирал слова, делал небольшие паузы, но каждая его

фраза явно была хорошо обдуманной. Над этими словами он явно размышлял долгое время, пытался все сформулировать, вероятно, даже не для меня, а в первую очередь – для самого себя.

А мне сразу пришел на ум безликий силуэт незнакомца, которого мы видели давеча в лесу.

Ихтиандр?..

Первый раз увидели его мы в предрассветном полумраке, внизу, на поляне. А второй раз уже при свете дня: он стоял тоже рядом с деревом – и да, так же сливался... Я пытался вспомнить черты его лица, но ловил себя на мысли, что их не было. Может тогда и были, но стерлись в памяти, а может...

– Ты это рассказываешь, потому что вспомнил про того... ну, которого мы в лесу встретили? – спросил я.

– Да, – кивнул Леха.

У меня от затылка и вниз к спине пробежала волна мурашек. Прохладные все же стояли погоды, несмотря на то, что дожди отшумели и небо прояснело. Осень брала свое.

– И что ты думаешь?

– Что думаю? Тогда, когда мы были в лесу, я увидел его же. Не того же самого, что в Лесной Кяфари. Но это было такое же существо. Я уверен, что это не человек. Силуэт человека, но лица нет. Ты тоже не видел его лицо?

– Да, пожалуй. Не разглядел.

– И я не разглядел, – подтвердил он, – потому что, когда лица нет, то нечего и разглядывать.

Была у него такая черта, и очень важная: Леха всегда умел увидеть суть, отличить самое главное от второстепенного. Иногда пренебрегал деталями, но ставил на первое место действительно важное. До меня дошло, что все эти дни я думал исключительно о находке – вавилонской клинописи, ценности золотого браслета...

А главным и, возможно, ключевым, что потрясло меня, но в чем я себе не хотел признаться, была именно эта встреча в лесу. Человек или, по мнению Лехи, существо, что действительно дважды нам являлось и, что еще важнее – оба раза бесследно исчезало. Ни Санек, ни Тимур, ни даже самый рассудительный из нас Максим Иванович так же, как я, ни разу с того момента всерьез не задались вопросом – кто это был и что мы все видели? Что это был за фокус? Сам факт чего-то необъяснимого, быть может сверхъестественного, как будто заставлял нас его не замечать, игнорировать. Как знать, может это была нормальная защитная реакция психики?

– Если ты говоришь, что видел это существо опять, как и тогда в горах, то, значит, ты тоже почувствовал нечто похожее? – наконец спросил я. – Тогда, говоришь, он улыбнулся. Как будто сообщил тебе, чтобы ты не волновался. А этот, по-твоему, тоже улыбался?

– Нет, – ответил Леха, – этот просто не хотел ничего сообщить. Видимо, только показался зачем-то...

– А тот зачем тебя успокоил? Что-то тебе сообщил?

– Да, тот разговаривал со мной. И не сразу исчез, – после этих Лехиных слов мне стало совсем неудобно, – тот, можно сказать, шел на контакт. При этом не разговаривал со мной в общепринятом смысле, как и в случае с улыбкой. Просто как-то напрямую вкладывал в мою голову свои мысли. А я отчетливо понимал, чувствовал – что это от него исходило, что это не мои фантазии.

– Да ну, – опять усомнился я, – с помощью телепатии с тобой говорил?

– Наверное. И не только он говорил, я тоже... мы общались, но это было нечто другое, большее чем обычный разговор. Это был прямой обмен информацией. Я получал напрямую знания, и даже образы! И знаешь, что было самым странным? Что это не показалось мне стран-

ным. Это было так естественно и оказалось таким простым! Как говорить или ходить. Наши мозги приспособлены для такого общения не меньше, чем для разговоров или обычного мышления. Но думаю, люди этой возможностью не пользуются, потому что этот навык общения променяли на искусственные языки, на разговоры с помощью звуков, письма, выдуманных слов. А могли бы. Наверное, в нас это отмерло постепенно, а может, не развивалось почему-то.

Рассказ Лехи был настолько необычным, что трудно было в него поверить. Но все его слова звучали весьма правдоподобно. Я, по крайней мере, видел, что сам Леха это рассказывал абсолютно искренне: он-то был в своем опыте уверен и не сомневался в том, что видел и знал.

– И что тебе сообщил этот *нечеловек*? Ты только что сказал, что ты не знаешь, кто он такой? А сам он не сообщил тебе?

– В каком-то смысле сообщил, – кивнул Леха, – но только это трудно передать на словах. Я же говорю – он не рассказывал, а скорее давал мне информацию в виде образов, как оформленное, окончательное знание. Оно как-то появлялось в моей голове, и я сразу же понимал, что это приходит извне. От него... И именно поэтому мне трудно это пересказать. Я сразу как бы понимал многое, даже очень многое. Но как только это знание я сам себе пытался объяснить с помощью слов, выходила заминка. Язык, понимаешь, используется нами не только для обмена информацией, не только для общения. Он определяет и наше мышление. Мы думаем уже не столько с помощью образов, сколько с помощью слов, фраз...

– Понимаю, – согласился я, – это я помню еще из курса логики: понятия, суждения, умозаключения.

– Ну да, – продолжил Леха, – точно. Поэтому мы и думаем при помощи языковых форм – для каждого явления есть свои слова, эти слова образуют новые смыслы, мы изобретаем для них очередные слова... и так и мыслим, нагромождая все и усложняя. А тут я получил понимание чего-то нового: знание о каких-то процессах, каких-то существах и силах, для которых в нашем языке просто нет слов. Потому как люди о них ничего не знают. То есть я, конечно, очень многое узнал, что не могу выразить словом, только какими-то аналогиями или метафорами... Это все равно, что пытаться перевести на примитивный древний язык учебник по современной физике. Большинство терминов в таком языке могут отсутствовать в принципе и не иметь даже близких аналогов. Так и здесь. Я суть понял, а пересказать трудно. И если буду пытаться пересказать, выйдет или непонятно, или смешно.

– Скажи хотя бы так, как сможешь. Хотя в общих чертах.

– Я и при всем желании не смогу тебе все передать. Но в целом скажу, что я понял тогда: мир наш гораздо глубже и сложнее устроен, чем мы привыкли думать. И помимо нас, то есть людей, в нем гораздо больше разумных существ. Как вот этот вот, которого я там встретил.

– Он как дух? Ну, в нашем представлении? – спросил я.

– Возможно. Я бы сказал, что он представитель другой расы. Совсем другой. Не человеческой, разумеется. Может, его сходство с человеком тогда я увидел лишь потому, что он принял для меня такое обличие. Таким он был мне понятнее. Он решил, что лучше бы я его увидел таким. Словно создал голограмму. Думаю, он вообще не имеет формы в общепринятом значении, так как не имеет материального тела, как у нас. Не знаю, быть может такие существа – а он такой не один, их много, как я узнал – и являются духами. То есть душами людей, когда-то живших.

– Выходит, это был призрак? – несмотря на всю странность и даже нелепость нашего разговора для посторонних ушей, я совершенно серьезно пытался понять Леху, слушал с большим интересом.

– Может, и призрак. Честно сказать, все это выглядит совсем иначе, чем ты можешь подумать. Потому что слово призрак сразу отсылает к каким-то фильмам или книжкам про привидения, про не упокоившиеся души. А на деле все и проще, и сложнее. После смерти наша душа не летает в виде какого-то полупрозрачного существа, не может общаться с родными

или являться во сне. Короче говоря, душа в религиозном смысле – это наша личность, но уже освободившаяся от брэнного тела. И это совсем не так. Личность слишком связана с телом и, думаю, как это ни грустно, она рассыпается и исчезает, когда умирает организм. То есть в этом смысле мы после смерти не живем, так как перестаем быть тем, что называем словом «мы». Однако какая-то часть, самая основа, что-то самое ценное в нас, все же не исчезает. Оно сохраняется и, возможно, этот остаток и называют душами. Но такими существами, представителями его расы, становятся далеко не все, кто живет. То есть не все души. И, самое главное, они также не сохраняют свою личность. У них она более древняя, нежели у людей. Они иногда воплощаются в людей, то есть рождаются людьми. Потом возвращаются в свое исходное состояние. И людьми они становятся не просто так, от нечего делать, а с какой-то миссией. Они или пытаются что-то сообщить другим людям, или направить историю в новое русло. Как я понял, это пророки, великие цари, открыватели новых технологий. В основном это как раз они... Но только в человеческом облики они тоже не всемогущи, они забывают себя на время человеческой жизни. А вообще-то, он сам назвал себя... Точнее, не назвал, а показал мне свой образ. Я бы мог описать это нашим словом «хранитель».

15

Леха выдохнул. Видно было, что весь этот рассказ дался ему нелегко.

Я молча обдумывал его слова. Из них, в частности, следовало, что в Сарматском лесу мы столкнулись с таким же явлением или сущностью, с которым он уже когда-то имел опыт общения в Лесной Кяфари.

Те сведения, которыми он как мог поделился, касались не только загадочного существа, но и загробного, да и вообще, потустороннего мира, сущности жизни. Одним словом, они фактически опровергали христианское, и в целом авраамическое религиозное мировоззрение, да и с картиной мира буддистов или индуистов они тоже сильно шли вразрез, хотя в чем-то и были близки концепции перерождения душ и наличия других, божественных рас. Заявленного Лехой хватило бы на оригинальное учение для целой религиозной секты. И хотя я не был уверен в том, что все это является истиной, я не мог списать все исключительно на фантазию моего школьного друга.

После некоторой паузы я спросил:

– Как думаешь, тот, кого мы видели в лесу – такой же хранитель?

– Почти уверен, – кивнул Леха, – это было нечто очень похожее. Но в этот раз он ничего не сообщил, даже эмоций никаких его я не почувствовал. Не знаю, может он попытался общаться с кем-то другим из нас. Ты не ощущал?

– Нет, я тоже вряд ли что-то успел понять, только увидел силуэт. Он был и не прозрачный, просто какой-то странный, – согласился я, – безликий. Если этот, как ты говоришь, хранитель с кем-то и вступал в контакт, то скорее с Бумером. Может, сообщил ему, где искать браслет...

– Вполне возможно. Скорее всего, он что-то пытался понять про нас. Когда Бумер к нему бросился, он исчез так, что мы даже не поняли, как и в какой момент это произошло.

– Да. И, тем не менее, ты тоже уверен, что его появление связано с браслетом? Бумер именно после него сбежал – как специально. Быть может, в этой находке какое-то важное послание?

– Почти уверен. Что, если он приманил Бумера в нужное место, привел к склепу. Но с какой целью? Вот вопрос.

– Значит, этот хранитель специально все сделал так, чтобы мы нашли браслет, – продолжил я Лехину мысль, – для этого он явился нам еще перед рассветом, на поляне. Если бы не он, мы бы вообще пошли на дачу другим путем, не через капище и склепы, а через водопад и профилакторий. Значит, он вел нас специально, заманивая...

На этом слове я осекся. Ведь заманивают, обыкновенно, в западню...

– Выходит, что так, – подтвердил мои рассуждения Леха, – и это значит, что нам приготовлена какая-то роль в грядущей истории.

– Какой истории? – мне снова стало не по себе от фатального тона, которым были произнесены его последние слова. Что-то большое, непонятное, во что сложно до сих пор поверить, как будто бы висело над нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.